

Въ память I выпуска 1906 г.
Юрьевской Женской Гимназіи
А. С. ПУШКИНА.

И. И. Змигродскій.

О произведеніи Жюль Верна

„Un drame en Livonie“.

N 1658

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1905.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. X.

О произведеніи Жюль Верна „Un drame en Livonie“¹⁾.

Мм. Гг.

Два мѣсяца тому назадъ (11-го марта) скончался въ Амьенѣ извѣстный, весьма плодовитый писатель Жюль Вернъ 77 лѣтъ. Едва ли найдется кто-нибудь, кто не прочелъ бы хотя одно изъ многочисленныхъ сочиненій французскаго писателя или по крайней мѣрѣ не слышалъ бы о его необыкновенныхъ, фантастическихъ нутешествіяхъ. „Блестящая фантазія амьенскаго писателя“, говоритъ одинъ некрологистъ²⁾, „подкрѣплялась всегда реальными фактами, научными истинами, научными данными, дѣлая невозможное возможнымъ, желаемое — исполнимымъ, мечту — дѣйствительностью.“ „Эдиссонъ литературы — Жюль Вернъ“, читаемъ мы въ другомъ некрологѣ³⁾, „предугадывалъ въ невозможности возможное . . . оказывался иногда пророкомъ. Мы дождались подводной лодки, близится къ осуществленію воздушный корабль, а электричество, которое въ шестидесятихъ годахъ едва выходило изъ

---

1) Помѣщается здѣсь это сообщеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было прочитано 15-го мая 1905 года въ годичномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества. Тѣмъ не менѣе позволяю себѣ дополнить его нѣкоторыми примѣчаніями, которыя за недостаткомъ времени при устномъ изложеніи не могли быть использованы, но которыя, быть можетъ, не лишни при его напечатаніи.

2) В. Разиньковъ. „Новое Время“, № 10424, 13 III 905.

3) „Новости“, № 63, 12 III 905.

стадія игрушки, и въ самомъ дѣлѣ становится тѣмъ царемъ земли, котораго въ немъ провидѣлъ гений изобрѣтателя безъ мастерской“. — „Картиность описанія и драматизмъ повѣствованія довершаютъ прелесть произведеній Жюль Верна“ 1).

Для сегодняшняго сообщенія избралъ я одинъ изъ разсказовъ покойнаго писателя, разсказъ, касающійся Прибалтійскаго края и отчасти того города и даже того учрежденія, въ которомъ мы съ Вами въ данный моментъ находимся. Я говорю о его „Un drame en Livonie“ — „Драма въ Ливоніи“ 2). И этотъ разсказъ составляетъ одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи его „необыкновенныхъ путешествій“, хотя, собственно говоря, въ путешествіи по нашему Прибалтійскому краю трудно было бы найти что-либо необыкновенное и вообще что-нибудь похожее на эпизоды во время „путешествія на луну“ или „къ центру земли“ или же, наконецъ, уподобить это путешествіе его „20000 льё подъ водою“ — въ нашемъ краѣ, повторяю, очень мало фантастическаго, загадочнаго . . . но, быть можетъ, и не столько самъ край, не столько внѣшность его, сколько внутренній міръ его обитателей показался маститому писателю чѣмъ-то необыкновеннымъ и заставилъ его заняться имъ и включить этотъ разсказъ въ этомъ отношеніи въ свои „voyages extraordinaires“ 3).

1) „Нов. Вр.“ № 10424. — Можно еще привести мѣсто изъ некролога, помѣщеннаго въ „Рижск. Вѣстн.“, въ № 58 отъ 17 III 905: „Въ основаніе своихъ часто необычныхъ и фантастическихъ путешествій Вернъ всегда клалъ несомнѣнныя научныя истины, факты и данныя и развивалъ все это въ фабулѣ поразительно искусной, гдѣ фантазія и дѣйствительность переплетались въ глубоко интересной и поучительной формѣ.“

2) Les voyages extraordinaires. Un drame en Livonie par Jules Verne. Illustrations par L. Benett, Paris. J. Hetzel, éditeur.

3) Вообще надо замѣтить, что Жюль Вернъ въ „Un drame en Livonie“ не всегда придерживается даже извѣстныхъ ему внѣшнихъ данныхъ: онъ, какъ мы увидимъ ниже, представляетъ ихъ и распоряжается ими иногда вопреки дѣйствительности по-своему. Вотъ почему психологическая сторона этого разсказа, составляющая его главное содержаніе, гораздо болѣе интересна для читателя, въ осо-

Темою къ разсказу послужило дѣло или, какъ авторъ говоритъ, „сенсационная драма, нашедшая столь сильный отголосокъ въ судебныхъ лѣтописяхъ Балтійскихъ провинцій“ ¹⁾ и „судебная драма, которой было придано политическими страстями, національными разногласіями, столь ужасное значеніе въ этихъ провинціяхъ“ ²⁾. Когда происходило это дѣло, трудно сказать! Во всякомъ случаѣ въ 1876 году, къ которому относитъ его самъ Жюль Вернъ, о подобномъ дѣлѣ я ничего не нашелъ, да и напрасно было бы искать въ беллетристическомъ произведеніи протокольной точности. Скорѣе всего можно предположить, что, положивъ въ основу своего разсказа данныя о Прибалтійскомъ краѣ, приводимыя въ географіи Реклю ³⁾ и относящіяся преимущественно ко второй половинѣ 70-хъ годовъ, Жюль Вернъ приурочилъ и весь разсказъ къ одному изъ этихъ годовъ.

бенности же для читателя, знакомаго какъ съ внѣшнимъ, такъ и съ внутреннимъ міромъ Прибалтійскаго края. — Правда, вполнѣ „необыкновенными путешественниками“ являются по временамъ нѣкоторые изъ героевъ драмы: такъ Никольевъ совершаетъ пѣшкомъ въ 2 часа 15—20 верстъ (стр. 83, 211, 252), а Яновъ, путешествуя исключительно по ночамъ и очень часто окольными путями, проходитъ по желанію Ж. В. въ два мѣсяца все пространство отъ Мнунсинска до ливонской границы (стр. 3, 5).

1) Стр. 341: „Ce drame sensationnel, qui eut un si grand retentissement dans les annales judiciaires des provinces Baltiques.“

2) Стр. 116: „Ce drame judiciaire auquel les passions politiques, les divergences de nationalité, ont donné un si terrible éclat dans ces provinces.“ — Для большей полноты привожу здѣсь еще одно общее замѣчаніе автора о „драмѣ“: „... ce drame judiciaire qui avait passionné la population des provinces Baltiques et surexcité la lutte des partis à la veille de se mesurer sur le terrain électoral“ (стр. 314).

3) Въ некрологѣ, составленномъ г. А. Измайловымъ („Огонекъ“, приложение къ „Биржерымъ Вѣдомостямъ“, № 9, 18 III 905, „Поэтъ науки“) приводится выписка изъ одной біографіи Жюля Верна: „Онъ (т. е. Ж. В.) неизмѣнно работалъ отъ 7-ми до 11-ти часовъ утра надъ правкой или созданіемъ своихъ рукописей. За этими часами письменной работы слѣдовало собраніе документовъ изъ журналовъ, газетъ, научныхъ сочиненій, всего больше изъ географіи Реклю.“ — E. Reclus, Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes. Paris. 1880, t. V, p. 357—385: Provinces Baltiques.

Появилось это произведение въ іюнѣ 1904 года¹⁾, т. е., по крайней мѣрѣ по датѣ появленія принадлежитъ оно къ послѣднимъ сочиненіямъ, а, можетъ быть, является лебединою пѣснью престарѣлаго художника. Правда, въ одномъ изъ некрологовъ²⁾ поэта говорится, что онъ незадолго передъ смертью работалъ надъ большимъ романомъ, относящимся къ нашей войнѣ съ японцами, но неизвѣстно, закончилъ онъ его или нѣтъ.

Интересно еще замѣтить, что, насколько мнѣ извѣстно, ни одна мѣстная газета не упомянула о вышедшей изъ печати въ прошломъ году „драмѣ въ Ливоніи“, такъ что мое сегоднешнее сообщеніе не будетъ, быть можетъ, для присутствующихъ повтореніемъ чего-нибудь стараго, общеизвѣстнаго.

Наконецъ, остается мнѣ еще прибавить, что рѣшился я на сегодняшнюю бесѣду не потому, что я считаю описанія и разсужденія Жюль Верна непогрѣшимыми и вполне соответствующими дѣйствительности, а просто потому, что нахожу не бесполезнымъ знакомить мѣстныхъ жителей съ произведеніями изъ мѣстной жизни тѣмъ болѣе, что современная беллетристика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, какъ бы избѣгаетъ сюжетовъ изъ прибалтійской жизни.

Одинъ часъ, имѣющійся въ моемъ распоряженіи, не позволяетъ мнѣ, разумѣется, подробно изложить содержаніе этой въ высшей степени богатой дѣйствіемъ „драмы“, а также разобратъ въ всѣхъ ея особенностяхъ, достоинствахъ и не-

1) На запросъ мой получилъ я отъ издателя 12 IV 905 слѣдующій отвѣтъ: „Date d'apparition Juin 1904.“ На мой вопросъ, когда написалъ Жюль Вернъ разсказъ, издатель, очевидно, не могъ мнѣ отвѣтить. — Судя по одной фразѣ въ примѣчаніи о русскихъ государственныхъ кредитныхъ билетахъ (стр. 151: „Actuellement, on connaît les réformes récentes des monnaies russes“), относящейся, очевидно, къ послѣднимъ мѣропріятіямъ министра финансовъ Витте, можно предположить, что и разсказъ былъ писанъ Жюлемъ Верномъ не ранѣе девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. — Съ іюня 1904 г. по 12-е апрѣля 1905 года вышло пять изданій разсказа „Un drame en Livonie“: на обложкѣ экземпляра, купленнаго мною въ 1905 году напечатано: „Cinquième édition“.

2) „Рижскія Вѣдомости“, № 360, 14 III 905.

достаткахъ, вслѣдствіе чего я и ограничусь сжатою передачею хода дѣйствія, нѣкоторыми общими замѣчаніями и ознакомленіемъ почтенныхъ слушателей съ описаніемъ нашего города и бывшаго дерптскаго университета, какимъ оно вылилось изъ-подъ пера иностраннаго писателя-беллетриста.

Введеніемъ въ разсказъ, его прологомъ, служатъ первыя двѣ главы. На границѣ ливонской, вдоль Чудскаго озера, на границѣ своей родины, появился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1876 года какой-то человѣкъ. Этотъ человѣкъ — русскій, бѣжавшій изъ далекой Сибири, куда онъ былъ сосланъ за политическое преступленіе. Цѣлью его бѣгства было достиженіе одного изъ портовъ Балтійскаго моря, откуда онъ могъ бы отправиться за границу. Преодолевъ всѣ невзгоды необозримыхъ пространствъ азіатской Россіи, пройдя незамѣченнымъ полиціею черезъ плотно населенныя центральныя европейскія губерніи, бѣглець подвергается крайней опасности уже въ предѣлахъ Прибалтійскаго края при прохожденіи послѣднихъ 150 верстъ: такъ на Чудскомъ озерѣ онъ чуть было не попадаетъ въ руки пограничной таможенной стражи; около озера Вирць-ерва спасается онъ благодаря простой случайности отъ стаи волковъ ¹⁾: въ ночной темнотѣ онъ натывается на какую-то лѣстницу, взбирается по ней наверхъ и тѣмъ ускользаетъ отъ разъяренныхъ звѣрей; лѣстница оказывается однимъ изъ крыльевъ вѣтряной мельницы; чтобы отдохнуть, пробирается онъ въ верхнее помѣщеніе мельницы; здѣсь, благодаря мельнику-славянину, остается онъ незамѣченнымъ полицейскими, начальни-

---

1) Не на простомъ вымыслѣ основаны это нападеніе, а также замѣтка (стр. 21) о волкахъ и медвѣдяхъ. О большомъ количествѣ волковъ въ Лифляндской губерніи Ж. В. могъ прочесть въ приведенномъ у Реклю (стр. 372) отрывкѣ одной народной пѣсни: „О, Боже, куда спастись? Лѣса полны волками и медвѣдями, а поля полны господами!“ Но и въ другихъ болѣе точныхъ источникахъ имѣются подобныя свѣдѣнія о волкахъ. Такъ въ первой четверти XIX столѣтія эссекій пасторъ О. Мазингъ сообщаетъ объ ужасномъ вредѣ, причиняемомъ населенію волками (по его подсчету онъ равняется въ Приб. краѣ 1 милл. 168 тыс. руб. въ годъ) и изыскиваетъ мѣры для борьбы съ этимъ зломъ (Dörptsche Ztg. за 1872 г. № 274). Въ теченіе 1877 г. въ одномъ юрьевскомъ судебномъ округѣ (Ordnungsgerichtsbezirk) уничтожено волками 228 домашн. животныхъ (Neue Dörpt. Ztg. за 1878 г. № 36).

комъ которыхъ былъ энергичный „brigadier“ Экъ; наконецъ, онъ какимъ-то чудомъ исчезаетъ межъ льдинами рѣки Перновы и тѣмъ освобождается отъ назойливаго преслѣдованія тѣхъ же полицейскихъ, давнихъ даже по немъ нѣсколько выстрѣловъ.

Послѣ этого пролога начинается главный разсказъ. Авторъ переноситъ насъ въ Ригу, въ одинъ изъ его форштадтовъ, заселенный преимущественно русскими ¹⁾, въ домъ учителя-математика ²⁾ Димитрія Николева, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „драмы въ Ливоніи“. Рига, какъ и другіе города Прибалтійскаго края, находилась въ то время наканунѣ ³⁾ введенія новаго городского положенія, столь несходнаго съ прежнимъ режимомъ, при которомъ нѣмцы были исключительными хозяевами города. Борьба возгорѣлась между „славянскою“ партією, или „славянами“ ⁴⁾, и тогдашними городскими

1) Стр. 42: „... faubourg de Riga, principalement affecté aux habitants russes... dans lequel les habitations sont le plus ordinairement bâties en bois.“ (Ср. Vivien de Saint-Martin — Louis Rousselet. Nouveau dictionnaire de géographie universelle. Paris. Томъ V, стр. 134). — Стр. 53: „ce faubourg ne possède pas moins de huit mille Moscovites“ (Ср. Reclus, томъ V, стр. 373; у Реклю не приводится названіе форштадта, а число 8000 относится къ однимъ раскольникамъ).

2) Жюль Вернъ называетъ его „professeur libre pour les sciences mathématiques et physiques“ (стр. 45), что по-русски скорѣе значить „учитель“, чѣмъ „профессоръ“.

3) Въ разныхъ мѣстахъ разсказа говорится о предстоящихъ въ очень скоромъ времени городскихъ выборахъ. По разсказу происходили они до 17-го сентября 1876 года, что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ они состоялись на самомъ дѣлѣ только въ первой четверти 1878 года. Что касается 1876 года, то въ декабрѣ этого года стало извѣстно окончательное рѣшеніе введенія этой реформы (Neue Dörpt. Ztg. № 285. 7 XII 76). Высочайшее же утвержденіе нов. городского положенія для Прибалт. края послѣдовало 26 марта 1877 года (Neue Dörpt. Ztg. за 1877 г. № 98).

4) Подъ „Slaves“ подразумѣваетъ Жюль Вернъ въ смыслѣ партіи — „parti slave“ — русскихъ, латышей, а также и эстовъ: на стр. 48: „... notre ville (т. е. Рига) ne compte que quarante-quatre mille Allemands contre vingt-six mille Russes et vingt-quatre mille Lettes...“ (ср. Реклю, т. V, стр. 382) ... Les Slaves y sont en majorité...“ (разрядка моя); на стр. 52, приводя общую цифру населенія Прибалтійскаго края въ 1876 г. („dix-neuf cent quatre-vingt-six mille habitants...“), что не вполне соотвѣтствуетъ даннымъ у Реклю, (стр. 358), онъ прибавляетъ: „l'élément germanique n'était représenté que par... cent cinquante-cinq mille (Реклю, т. V, стр. 374). Une majorité slave devait donc se former...“

заправилами; самыми вліятельными были банкиры Іохаузенъ, изъ которыхъ старшій братъ и при новыхъ порядкахъ хотѣлъ сдѣлаться главою городского управленія; славянская же партія поддерживаемая генераль-губернаторомъ, выставила своимъ кандидатомъ упомянутого выше учителя-математика, весьма незажиточнаго, но скромнаго и честнаго дѣятеля. Димитрій Николевъ, уроженецъ Риги, сынъ купца, получилъ въ наслѣдство отъ отца весьма запутанныя дѣла; долгъ отца банкирскому дому Іохаузеновъ равнялся 25000 руб. Д. Николевъ рѣшилъ все продать, чтобы уплатить хоть часть долга, на остальную же сумму выдалъ векселя, которые и погашалъ по частямъ ежегодно изъ денегъ, заработанныхъ имъ уроками. Такимъ образомъ къ 1876 году оставалось ему уплатить Іохаузенамъ еще 18000 рублей. Срокъ уплаты этихъ денегъ истекалъ черезъ 5 недѣль, 15-го мая. Въ виду выборной борьбы онъ не могъ надѣяться на отсрочку, уплатить же сразу такую сумму онъ не былъ въ состояніи. Все это страшно тревожило и озабочивало его, тѣмъ болѣе что свои денежныя затрудненія хранилъ онъ въ тайнѣ и не дѣлился своими заботами ни съ дѣтьми, ни съ самыми близкими друзьями. Жена его давно умерла; изъ двухъ его дѣтей дочь, Илька, 24 лѣтъ, жила при немъ и вела хозяйство, а сынъ его Иванъ, 18 лѣтъ, находился въ тогдашнемъ дерптскомъ университетѣ. Изъ близкихъ его друзей авторъ упоминаетъ Михаила Янова, доктора Хамина и французскаго консула Деляпорт'а (Delaporte). Михаилъ Яновъ, другъ молодости, умеръ

Въ этнографическомъ отношеніи Жюль Вернъ, вопреки Реклю (стр. 367, 371), не всегда строго различаетъ латышей отъ эстовъ: стр. 47: *Les Esthes* (орѳографія самого названія тоже другая, чѣмъ у Реклю, стр. 367), *ces frères des Finnois, et les Lettes, presque tous agriculteurs sédentaires...*; стр. 29: „...*Eshtes, les vrais originaires de l'Eshtonie...*“; а на стр. 112: „*dans les provinces Baltiques, ... ces paysans... ces agriculteurs... qui forment la véritable population indigène, ces Lettons, parlant leur ancien idiome slave...*“; стр. 11: „...*ceux (т. е. paysans) de Livonie ne repousseront pas un Slave comme eux!*“ стр. 46: „*Les journaux esthes, avec tout le charme de leur langage aryen...*“ Впрочемъ, и въ ученномъ мірѣ нѣкоторые ученые не отрицаютъ возможной принадлежности финновъ и ихъ „братьевъ“ эстовъ къ арійскимъ народамъ (Андерсонъ, Кеппенъ).

болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Единственный его сынъ, Владимиръ Яновъ, талантливый адвокатъ, женихъ Ильки Николевой, четыре года тому назадъ былъ арестованъ, какъ членъ тайнаго политическаго общества, и былъ сосланъ въ рудники Минусинска. Шесть мѣсяцевъ послѣ ареста сына умеръ старикъ Михаилъ Яновъ; на смертномъ одрѣ вручилъ онъ Д. Николеву 20000 руб. для передачи ихъ при первой возможности сыну его Владимиру. Переданы были эти деньги Николеву съ глазу на глазъ, и даже Илька не была посвящена въ эту тайну. Д. Николевъ свято хранилъ чужой капиталъ и ни на минуту не приходила ему въ голову мысль хоть временно воспользоваться ими для уплаты своего долга Юхаузенамъ. — Въ началѣ третьей главы ждуть къ вечернему чаю запоздавшего Д. Николева дочь его Илька, д-ръ Хаминъ и консулъ Дяляпортъ. Разговоръ ихъ касается главнымъ образомъ выборной борьбы и положенія дѣлъ въ Ригѣ. Приходитъ Николевъ, чѣмъ-то крайне озабоченный, быстро выпиваетъ чай и мало разговариваетъ; друзья уходятъ, а Николевъ, простившись съ дочерью, тотчасъ же удаляется въ свой кабинетъ.

На слѣдующій день, 13-го апрѣля, отправляются въ Ревель въ почтовой каретѣ два пассажира: 1) Похъ, служитель банкирскаго дома Юхаузеновъ, везшій въ Ревель 15000 рублей и 2) какой-то незнакомецъ, закутанный въ плащъ съ капюшономъ и сѣвшій въ карету почти въ моментъ ея отъѣзда изъ Риги. Насколько незнакомецъ былъ молчаливъ (онъ не проронилъ во все время пути почти ни одного слова), настолько Похъ былъ разговорчивъ, словоохотливъ какъ во время пути съ знакомымъ кондукторомъ, такъ и на станціяхъ съ чужими хозяевами и ямщиками; онъ усердно потчивалъ кондуктора и ямщиковъ, такъ какъ онъ спѣшилъ по семейнымъ дѣламъ вернуться скорѣе въ Ригу, но погода и плохая дорога ему не благоприятствовали: въ 20 верстахъ отъ Пернова ломается переднее колесо, и карета падаетъ на бокъ. Похъ оказывается контуженнымъ. Рѣшено, что кондукторъ и ямщикъ отправятся верхомъ въ Перновъ за экипажемъ, а Похъ съ незнакомцемъ будутъ ихъ ждать въ находившемся вблизи кабакъ „Сломанный Крестъ“ („Croix-Rompue“). Незнакомецъ предложилъ руку контуженному Поху, и такимъ образомъ вошли они въ кабакъ.

Содержателем кабака былъ нѣкій Кроффъ, нѣмецкаго происхожденія, и православнаго вѣроисповѣданія, бездѣтнѣй вдовецъ, человѣкъ крѣпкаго сложенія. Онъ жилъ одиноко и прислуживалъ самъ своимъ гостямъ, состоявшимъ преимущественно изъ окрестныхъ крестьянъ, дровосѣковъ, а также кондукторовъ, ямщиковъ и иногда злоумышленниковъ; порядочные же путешественники рѣдко у него останавливались. Унаслѣдовалъ кабакъ онъ отъ своего отца, слышнаго въ народѣ за обманщика и браконьера. Говорили также, что какъ у отца, такъ и у сына водилась денга. Домъ состоялъ изъ самого торговаго помѣщенія съ прилавкомъ, скамейками и столами, изъ двухъ комнатъ по обѣ стороны этого помѣщенія съ окнами на большакъ, снабженными ставнями, и изъ одной каморки съ окномъ на огородъ. Въ то время, когда входилъ Похъ подъ руку съ незнакомцемъ, въ кабакѣ были кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ гостей полицейскій съ начальникомъ Экомъ, преслѣдовавшимъ вдоль рѣки Перновы бѣглеца изъ Сибири во второй главѣ разсказа. Незнакомецъ потребовалъ комнату и удалился въ нее безъ ужина, заявивъ, что въ 4 часа утра онъ покинетъ корчму. Экъ, заинтересовавшись закутанымъ въ плащъ незнакомцемъ, не спускалъ съ него глазъ, уловилъ таки моментъ, когда капюшонъ немного раскрылся, и узналъ незнакомца. Похъ только послѣ плотнаго ужина и послѣ разговора съ Экомъ пошелъ въ предназначенную для него комнату. Проводивъ послѣднихъ гостей и заперевъ дверь на запоръ, Кроффъ пошелъ въ свою каморку. Въ 4 часа утра покинулъ незнакомецъ кабакъ, расплатившись съ Кроффомъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ переноситъ насъ снова въ Ригу ¹⁾ и, пользуясь описаніемъ семейства Гохаузеновъ, рисуетъ

---

1) На стр. 113 и 114 помѣщено очень краткое описаніе города Риги: Рига, основанная въ XIII столѣтіи, болѣе германскій, чѣмъ славянскій городъ — „une cité plus germaine que slave“ (на стр. 51 говоритъ Илька, что Рига „une ville beaucoup plus allemande que russe“) — не только по внутреннему строю, но и по внѣшнему виду. „Riga est maintenant une ville ouverte.“ Изъ достопримѣчательностей Жюль Вернъ отмѣчаетъ только „le Rathaus“ и „l'antique monument des Chevaliers de la Tête-Noire“ (sic!) на главной городской площади. Здѣсь же находился также банкирскій домъ братьевъ Гохаузеновъ.

вообще нѣмцевъ 1) съ ихъ нерасположеніемъ къ русскимъ, а также съ ихъ патріархальнымъ обращеніемъ съ низшимъ классомъ населенія; по отношенію къ служителямъ доходитъ ихъ забота до отеческихъ внушеній въ канцеляріи полиціи. Въ этой же главѣ имѣется краткая характеристика дѣятельности русскаго генераль-губернатора 2) Горко (Gorko) и русскаго

1) Здѣсь необходимо коснуться общихъ замѣчаній Жюль Верна о нѣмцахъ, помѣщенныхъ какъ въ этой главѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ разсказа. Въ нихъ онъ придерживается главнымъ образомъ мнѣнія Реклю, „Allemands“, „Germains“, „ces obstinées races de sang germanique“, и у Жюль Верна являются по отношенію къ прочему населенію „иностранцами“, „чужими“: „l'élément étranger“ (стр. 47), „depuis sept cents ans, depuis la conquête . . . ceux-ci (т. е. побѣдители, нѣмцы) sont restés en dehors du pays“ (стр. 48), а числомъ не превышаютъ 155 тысячъ. Какъ раньше силою оружія, такъ въ настоящее время они всемогущи благодаря деньгамъ, большой земельной собственности, а также и тому обстоятельству, что въ ихъ рукахъ всѣ должности (стр. 46, 47). Въ Прибалтійскомъ краѣ дворянство, почетные граждане (citoyens honoraires), мѣщане (bourgeois) и купцы почти исключительно „d'origine teutonne“, тевтонскаго происхожденія. Дворянство, не имѣющее ничего общаго съ чиновничествомъ, пользуется большимъ значеніемъ, усугубленнымъ дѣйствительною властью. Оно древнѣе русскаго дворянства и обладаетъ важными привилегіями („между прочимъ“, прибавляетъ Жюль Вернъ, „правомъ выдавать дипломы, которыми не брезгаютъ — ne dédaignent pas — даже члены Царской фамилии“) [стр. 111]. Рядомъ съ этимъ дворянствомъ существуетъ нѣмецкая буржуазія, „son égale, sa supérieure même par son intervention dans l'administration provinciale et municipale“. Она включаетъ въ себѣ купечество, почетныхъ гражданъ и простое мѣщанство. Высшій классъ этой буржуазіи, представителемъ котораго въ разсказѣ является семейство Лохаузеновъ, образованъ, трудолюбивъ, гостеприименъ и отличается высокою честностью и высокою нравственностью (стр. 112). Въ городахъ господствуетъ нѣмецкій языкъ (стр. 9, 112). Ненависть нѣмцевъ къ русскимъ общая: не говоря уже о высшемъ классѣ, выставленномъ Ж. В. крайне враждебнымъ къ русскимъ, авторъ замѣчаетъ, что корчмари нѣмецкаго происхожденія, которыхъ слѣдуетъ отнести къ низшему классу, не приняли бы къ себѣ русскаго бѣглеца (стр. 12).

2) Хотя и называетъ Жюль Вернъ болѣею частью генерала Горко „gouverneur“, но прибавляя къ этому слову „des provinces Baltiques“ (стр. 30, 224) или „des provinces“ (стр. 179), онъ, очевидно, имѣлъ въ виду высшаго начальника въ краѣ, т. е. генераль-губернатора. На стр. 294 и Ж. В. называетъ его „gouverneur général“. Выставляя дѣйствующимъ лицомъ генераль-губернатора въ 1876 году, Ж. В. допустилъ неточность, такъ какъ уже 25-го

же начальника полиціи (полковника Рагенова), стремящихся при посредствѣ намѣченныхъ свыше реформъ къ расширенію правъ „de l'élément slave“ и вообще къ облегченію положенія подвластныхъ нѣмцамъ латышей и эстовъ. Заканчивается глава очень оживленною сценою въ канцеляріи помощника начальника полиціи маіора Вердера. Провинившійся служитель Гохаузеновъ, Транкель, является къ маіору съ запискою отъ своего хозяина. Не только полицейскіе служителя, но и самъ маіоръ встрѣчаютъ его какъ стараго знакомаго, какъ „друга“. Какъ „друга“ же велитъ маіоръ его наказать согласно запискѣ: „25 ударовъ розгою . . . но не очень сильно . . . какъ другу!“¹⁾ Только что должно произойти это „дружеское“ воздѣйствіе, какъ вдругъ происходитъ шумъ во дворѣ, входитъ полицейскій и передаетъ телеграмму маіору Вердеру, извѣщающую объ убійствѣ банковскаго служителя Поха въ кабакѣ „Сломанный Крестъ“ и о похищеніи находившихся при немъ 15 тысячъ рублей. Благодаря общему переполоху забываютъ о „другѣ“ Транкелѣ, и онъ, приведя себя въ порядокъ, возвращается цѣлъ и невредимъ домой.

Черезъ два часа отправляются Ф. Гохаузенъ, судебный слѣдователь (слѣдственный приставъ) Керсторфъ, маіоръ Вердеръ и д-ръ Хаминъ на мѣсто преступленія. Слѣдствіе выясняетъ, что Похъ убитъ посредствомъ шведскаго ножа, рукоятка котораго оставила вокругъ раны характерный слѣдъ; все добытое слѣдствіемъ говоритъ за то, что убійцею былъ вѣроятно незнакомецъ, ночевавшій въ другой комнатѣ: тамъ нашли согнутую кочергу, которою онъ, должно быть, взломалъ ставни у окна комнаты Поха, тамъ же на подоконникѣ видны слѣды²⁾. Противъ корчмаря или кого другого никакихъ уликъ

января 1876 г., т. е., но прошествіи 8 дней со дня кончины послѣдняго генераль-губернатора, эта должность была упразднена (Neue Dörptsche Ztg. № 21. 26 I 76).

1) Стр. 122: „Vingt-cinq coups de verge . . . mais pas trop dur . . . comme pour un ami!“ — Столь явное, какъ бы закономъ освѣщенное примѣненіе тѣлеснаго наказанія въ 1876 году является анахронизмомъ. Или Жюль Вернъ спуталъ болѣе раннюю эпоху съ 1876 годомъ, или же руководствовался онъ слухами о разоблаченіи сенаторскою ревизіею разнаго рода злоупотребленій въ Прибалтійскомъ краѣ.

2) Стр. 137, 281: „érafleures“ — царапины, которыя имѣлись и на стѣнѣ и которыя могли быть произведены сапогами вылѣзавшаго въ окно человѣка (стр. 137).

не оказалось; ножъ не былъ найденъ. Оставивъ въ кабацкѣ полицейскихъ для наблюденія за корчмаремъ и для охраненія всего помѣщенія, слѣдственная коммиссія вернулась въ Ригу съ неразрѣшеннымъ вопросомъ: кто былъ незнакомецъ, ѣхавшій и ночевавшій съ Похомъ? Этотъ вопросъ рѣшаетъ вернувшійся для подачи рапорта маіору Вердеру о своихъ дѣйствіяхъ на рѣкѣ Перновѣ бригадиръ Экъ, узнавшій два дня тому назадъ, какъ мы уже знаемъ, въ кабацкѣ „Сломанный Крестъ“ незнакомца. Незнакомецъ былъ — учитель Николевъ. По тотчасъ же наведеннымъ справкамъ оказалось, что Николевъ, выѣхавъ изъ Риги 13-го апрѣля рано утромъ, до сихъ поръ еще не возвратился. Показаніе Эка мигомъ облетѣло Ригу, достигло на другой день молодого студента Юхаузена въ бывшемъ дерптскомъ университетѣ и послужило ему къ нанесенію публичнаго оскорбленія сыну Николева.

Между тѣмъ вернувшійся въ Ригу Николевъ-отецъ былъ немедленно вызванъ Керсторфомъ къ допросу. Онъ подтвердилъ свое путешествіе съ Похомъ, свое пребываніе въ кабацкѣ „Сломанный Крестъ“, съ негодованіемъ отрицалъ причастность свою къ преступленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказался сообщить цѣль своего путешествія, что, разумѣется, не могло ослабить подозрѣніе. Все же, на основаніи его прежней жизни и почетнаго общественнаго положенія, его не арестуютъ.

Внезапный пріѣздъ студента Николева и разсказъ его о столкновеніи съ молодымъ Юхаузенемъ объяснили Илькѣ причину вызова отца къ судебному слѣдователю. Друзья дома, консулъ и докторъ, старались успокоить несчастныхъ дѣтей, а возвращеніе отца подавало какъ бы надежду на скорое прекращеніе всего дѣла. Но не такъ-то было въ дѣйствительности. Молчаніе Николева о цѣли путешествія продолжало удивлять и возбуждать политическихъ враговъ Николева, а одобреніе высшимъ начальствомъ осторожности и безпристрастія г-на Керсторфа еще болѣе возстановляло ихъ противъ Николева. Юхаузены и нѣмецкая партія всевозможными способами, не брезгая даже искусственнымъ возбужденіемъ толпы, старались принудить начальство въ заключенію Николева въ тюрьму. Д-ръ Хаминъ уговаривалъ Николева не выходить на улицу во избѣжаніе возможнаго насилія со стороны прохожихъ. Хотя крайне неохотно, все же согласился Николевъ исполнить желаніе друга и дѣтей, и цѣлыми часами сидѣлъ

одинокъ въ своемъ кабинетѣ. Обыскъ въ квартирѣ Николева не привелъ ни къ какимъ результатамъ.

Наступилъ день назначенныхъ Гохаузенами торжественныхъ похоронъ ихъ вѣрнаго служителя. Распространился слухъ, что при слѣдованіи печальнаго шествія мимо дома Николева толпа устроитъ ему уличную демонстрацію и даже разнесетъ его домъ. Вся полиція была на ногахъ съ полковникомъ Рагеновымъ и маіоромъ Вердеромъ во главѣ. Какъ ни старались дѣти и друзья Николева скрыть отъ него приближеніе шествія, но крики толпы побудили его выйти изъ кабинета. Увидавъ печальный кортѣжъ, онъ, несмотря на мольбы дѣтей, быстро распахнулъ окно и сталъ неподвижно смотрѣть на бушевавшую толпу. Шумъ, крики, проклятія по адресу убійцы усилились. Самые отчаянные бросились было къ входной двери Николевскаго дома и только съ большимъ трудомъ были отброшены полиціею. Полковникъ и маіоръ поняли, что для спасенія жизни Николева прійдется его арестовать. Снова бросилась толпа къ дому, но въ моментъ, когда казалось, что домъ будетъ взятъ приступомъ, раздалось громовое „остановитесь“, и человекъ, энергично пробиваясь сквозь толпу, быстро взбѣжалъ по ступенямъ и, заслонивъ собою входную дверь, отвѣтилъ на обращенные къ нему вопросы Гохаузена и Вердера: „Я — изгнанникъ, котораго Димитрій Николевъ хотѣлъ спасти цѣною своей чести, и который является снасти его цѣною своей жизни 1)!“ Это былъ Владимиръ Яновъ, таинственный бѣглець первыхъ двухъ главъ разсказа, сынъ покойнаго Михаила Янова, друга Димитрія Николева. Какимъ-то чудомъ спасшись отъ преслѣдованія Эка, Владимиръ Яновъ добрался до Пернова и оттуда далъ знать о себѣ Д. Николеву. Николевъ, вѣрный своему общанію, данному умирающему отцу Владимира, взялъ хранимыя имъ 20 тысячъ рублей и, не сказавъ ни слова Илькѣ, отправился на свиданіе съ Владимиромъ. Унлативъ до Ревеля, онъ намѣренъ былъ остановиться въ Перновѣ. Путешествіе его увѣнчалось успѣхомъ, и, вручивъ Владимиру наслѣдство отца, ждалъ отъ него условленнаго увѣдомленія изъ-за границы, по полученіи котораго онъ открылъ бы тайну своего

---

1) Стр. 246: „Je suis un proscrit que Dimitri Nicolet a voulu sauver au prix de son honneur, et qui vient le sauver au prix de sa vie!“

путешествія. Владимиръ, будучи принужденъ вслѣдствіе ледохода пробыть пару дней въ Перновѣ, узналъ изъ газетъ о взведенномъ на Николева обвиненіи и рѣшился, жертвуя собою, спасти его ¹⁾.

Полковникъ Рагеновъ, взявъ честное слово съ Владимира Янова, что онъ никуда не скроется, донесъ обо всемъ генералъ-губернатору, который приказалъ немедленно арестовать Янова впредь до рѣшенія его судьбы въ Петербургѣ. По прошествіи какихъ-нибудь 10 дней, благодаря личному заступничеству генералъ-губернатора, пришло извѣстіе изъ Петербурга о Высочайшемъ помилованіи В. Янова.

Казалось, что по выясненіи цѣли путешествія Николева его оставятъ совершенно въ покоѣ. Но за ненахожденіемъ настоящаго убійцы Николевъ все же оставался подъ подозрѣніемъ. Слѣдствіе продолжалось, но явныхъ уликъ не было установлено ни противъ корчмаря, ни противъ кого-либо другого. Наконѣцъ было рѣшено произвести вторичный осмотръ всѣхъ помѣщеній кабака.

При весьма тщательномъ осмотрѣ неожиданно для всѣхъ былъ найденъ въ золѣ очага, находившагося въ комнатѣ, гдѣ ночевалъ Николевъ, запачканный кровью уголъ сожженнаго государственнаго кредитнаго билета. Эта находка, ускользнувшая отъ вниманія слѣдственной комиссіи при первомъ обыскѣ ²⁾, поразила всѣхъ тѣмъ болѣе, что никто не могъ проникнуть въ комнату, такъ какъ ключи находились въ риж-

---

1) Бурная сцена передъ домомъ Николева не особенно подходитъ къ мирной Ригѣ 1876 года, какъ бы перенесена со стогновъ испытаннаго въ уличныхъ скандалахъ Парижа и принадлежитъ къ тѣмъ мѣстамъ разсказа, гдѣ Жюль Вернъ далъ полную волю своей фантазіи.

2) Интересно, что на вопросъ Николева, какъ объяснить, что при первомъ обыскѣ не замѣтили этого кусочка кредитнаго билета, г. Керсторфъ отвѣчаетъ: „Je ne l'explique pas, et je m'en étoupe . . .“ (стр. 287). Такого рода отвѣтъ въ устахъ слѣдователя объясняется однимъ изъ недосмотровъ со стороны Жюля Верна. Оказывается, что и при первомъ осмотрѣ г. Керсторфъ намѣревался изслѣдовать золу (стр. 148: „L'intention du juge était de fouiller les cendres de l'âtre, pour s'assurer qu'elles ne contenaient rien de suspect“), но почему-то (быть можетъ, увлеченный находкою согнутой кочерги) забылъ исполнить свое намѣреніе, вслѣдствіе чего ненахождение куска билета при первомъ обыскѣ вполне объяснимо, и уже никакъ не г. Керсторфу слѣдовало удивляться этому обстоятельству.

ской канцеляріи полиціи, а комнаты сверхъ того днемъ и ночью охранялись дежурными полицейскими. Друзья Николева были ошеломлены, между тѣмъ какъ враги торжествовали, къ тому же послѣднія происшествія и даже царская милость¹⁾ по отношенію къ Янову были имъ не по вкусу и какъ бы требовали возмездія. Немедленный донрость не заставилъ однако болѣзненнаго и ставшаго крайне нервнымъ Николева сознаться въ совершенномъ имъ яко бы убійствѣ. И на этотъ разъ судебный слѣдователь Керсторфъ не рѣшился его арестовать. Эта новая безрезультатность допроса, эта какъ бы новая поблжка властей по отношенію къ Николеву не могла успокоить, по словамъ Жюля Верна, не только населеніе Риги, но и населеніе всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Весь ходъ слѣдствія показалъ, что убійцею можетъ быть или Николевъ или корчмарь. Противники Николева требовали его ареста, а болѣе умѣренные жители губерній находили нужнымъ, чтобы былъ арестованъ по крайней мѣрѣ корчмарь Кроффъ. Съ другой стороны городскіе выборы приближались, и такая нерѣшительность по отношенію къ Николеву крайне безпокоила нѣмецкую партію, такъ какъ „славянская“ партія продолжала энергично выставлять его своимъ кандидатомъ противъ Франка Тохаузена.

Семь дней прошло со дня второго допроса. Наступило 13-е мая. Остался всего одинъ день до истеченія срока уплаты 18 тысячъ рублей по векселю Николева. Тохаузены съ нетерпѣніемъ ждали этого срока. Они ясно сознавали, что уплатить 18 тыс. руб. сразу изъ доходовъ съ уроковъ Николевъ не въ состояніи; если же онъ внесетъ эту сумму въ срокъ, то, очевидно, онъ воспользуется украденными имъ деньгами, но въ обоихъ случаяхъ они его погубятъ: въ первомъ случаѣ описью всего его имущества, а во второмъ предъявленіемъ списка нумерамъ билетовъ, бывшихъ при Похѣ, нумерамъ, опубликованіе которыхъ Керсторфъ до поры до времени имъ не совѣтовалъ. Въ извѣстный срокъ Николевъ въ банкъ не явился. Тохаузены посылаютъ ему официальное увѣдомленіе. Это увѣдомленіе случайно попадаетъ въ руки Янова, свадьба котораго съ Илькою должна была состояться на дняхъ. По-

1) Стр. 268: „Chez la noblesse et la bourgeoisie, on blâma la clémence impériale qui, après Wladimir, semblait atteindre et couvrir Dimitri Nicoief.“

пять весь ужасъ положенія Николаева и обладая нужнымъ капиталомъ, онъ, не говоря ни слова Николаеву, рѣшается уплатить за него долгъ. Тотчасъ же отправляется онъ въ банкъ. Гохаузены удивлены приходомъ Янова и еще болѣе его намѣреніемъ внести всю требуемую сумму. Все же они вынимаютъ списокъ нумерамъ украденныхъ билетовъ, и къ ужасу Янова они совпадаютъ съ нумерами имъ принесенныхъ билетовъ. Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, Яновъ спѣшитъ къ Николаеву за разъясненіемъ. Происходитъ сильная сцена. Николаевъ сначала не понимаетъ словъ Янова, онъ заявляетъ, что напрасно Яновъ лишилъ себя наслѣдства отца, что деньги, врученные ему въ Перновѣ, его, Янова, деньги. Яновъ повторяетъ результатъ своего пребыванія въ банкѣ. Уразумѣвъ страшный смыслъ его сообщенія, Николаевъ съ крикомъ отчаянія: „я погибъ . . . я погибъ!“ скрывается въ кабинетъ и черезъ минуту въ неистовствѣ выбѣгаетъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ явились полицейскіе съ цѣлю арестовать Николаева. Между тѣмъ какъ они обыскивали домъ, Владимиръ, Иванъ и Илья спустились на улицу, чтобы догнать отца. Добѣжавъ до старой границы города, они пошли по дорогѣ по направленію въ Перновъ, но уже въ 200 шагахъ отъ границы города Риги наткнулись они на тѣло мертваго Николаева; возлѣ него лежалъ окровавленный ножъ. Окрестные крестьяне принесли его въ квартиру, гдѣ д-ръ Хаминъ установилъ причину смерти: Николаевъ поразилъ себя такъ же, какъ былъ пораженъ Похъ, и ножъ оставилъ такой же слѣдъ вокругъ раны, какой былъ отмѣченъ въ протоколѣ вскрытія Поха по поводу его раны.

Этимъ закончилось дѣло Николаева, о которомъ скоро и говорить перестали. Никто болѣе не сомнѣвался въ виновности Николаева, покончившаго самоубійствомъ. Корчмаръ Кроффъ былъ освобожденъ отъ полицейскаго надзора, а на городскихъ выборахъ восторжествовала нѣмецкая партія ¹⁾.

1) Очевидно, что не было у Жюля Верна подъ рукою болѣе точныхъ источниковъ насчетъ истинныхъ причинъ побѣды нѣмецкой партіи, иначе онъ не поставилъ бы ея въ зависимость исключительно отъ катастрофы съ Николаевымъ. Можно это, пожалуй, еще объяснить тѣмъ своеобразнымъ взглядомъ Жюля Верна на городскіе выборы въ Ригѣ, который онъ проявляетъ во многихъ мѣстахъ разсказа. Жюль Вернъ говоритъ преимущественно о кандидатурѣ въ город-

Двѣ послѣднія главы „На могилѣ“ и „Исповѣдь“ являются эпилогомъ къ разсказу. Онѣ даютъ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ дѣтей Николева, а также въ нихъ мы находимъ объясненіе убійства и имя настоящаго убійцы.

Послѣ страшной кончины Николева, оказавшейся равносильною признанію его убійцею Поха, Илька сочла своимъ долгомъ, какъ дочь убійцы, отказаться отъ предложенія Янова жениться на ней. Удрученный этимъ рѣшеніемъ, Яновъ все же надѣялся со временемъ достигнуть своей цѣли. Что касается Ивана, то онъ покинулъ навсегда университетъ, чтобы вмѣстѣ съ сестрою личнымъ, неустаннымъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Часть долга отца Гохаузенамъ надѣялись они покрыть деньгами, которыя они выручатъ отъ продажи оставшагося имущества; остальную же часть хотѣли они уплатить со временемъ.

Прошло такимъ образомъ четыре мѣсяца со дня смерти Николева. Вдругъ получаютъ Илька и Иванъ письмо отъ уважаемаго всѣми рижскаго священника Аксіева, приглашающее ихъ ирійти на могилу отца. Такія же письма получили Яновъ и старый другъ дома д-ръ Хаминъ. Тутъ на могилѣ, соединивъ руки Янова и Ильки, священникъ объявляетъ имъ, что Николевъ невиненъ и не самоубійца. Убійцею Поха и Нико-

скіе головы Гохаузена и Николева и о вызванной этимъ соперничествомъ борьбѣ партій (стр. 48, 51, 61, 117, 118, 191, 224, 269, 294, 297, 314). Имѣя, повидимому, смутное представленіе о новомъ городскомъ положеніи, Жюль Вернь, какъ кажется, предполагалъ, что выборы городского головы должны были производиться всѣмъ населеніемъ и предшествовать выборамъ гласныхъ, вслѣдствіе чего побѣда того или другого кандидата, являвшася такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ западно-европейскаго министра-президента, подбирающаго себѣ по своему усмотрѣнію своихъ коллегъ-министровъ, могла значительно повліять и на самый составъ будущихъ гласныхъ. Придерживаясь такого мнѣнія, вполнѣ, впрочемъ, противорѣчащаго настоящему положенію дѣль, Жюль Вернь, разумѣется, могъ поставить побѣду нѣмцевъ почти въ полную зависимость отъ неожиданнаго исхода дѣла Николева. — Результатъ первыхъ городскихъ выборовъ въ Ригѣ, состоявшихся не въ 1876, но въ 1878 году, былъ слѣдующій: въ число 72 гласныхъ были избраны: 35 купцовъ, 22 литерата, 13 ремесленниковъ и 2 лица, принадлежавшія къ другимъ сословіямъ; по національности состояли рижскіе гласные изъ 64 нѣмцевъ, 4 русскихъ, 2 латышей и 2 евреевъ (Neue Dörpt. Ztg. № 58, 10 III 78).

лева и похитителемъ 15 тысячъ рублей Гохаузеневъ былъ корчмарь Кроффъ, неоспоримымъ доказательствомъ чего служитъ исповѣдь умершаго Кроффа, записанная священникомъ по его просьбѣ и передъ смертью Кроффомъ собственноручно подписанная. Въ этой исповѣди довольно просто объясняется многое, что казалось даже Керсторфу и друзьямъ Николева необъяснимымъ. Кроффъ, рѣшивъ ограбить Поха, проникаетъ черезъ окно къ нему въ комнату; Похъ просыпается; тогда Кроффъ убиваетъ его; вмѣстѣ съ деньгами находитъ онъ въ портфѣлѣ списокъ нумерамъ билетовъ, на которомъ также значилось, что дубликатъ этого списка хранится въ банкѣ. За невозможностью безнаказанно воспользоваться этими 15 тысячами корчмарь Кроффъ хочетъ подсунуть ихъ Николеву, для чего и пробирается онъ неслышно въ его комнату; въ карманѣ Николева онъ случайно находитъ 20 тысячъ рублей, тоже кредитными билетами ¹⁾; тогда онъ подмѣниваетъ 15 тысячъ рублей украденными у Поха деньгами . . . ²⁾). Послѣ ухода Николева Кроффъ поставилъ въ его комнату кочергу, а незадолго до второго осмотра бросилъ съ крыши черезъ трубу уголь сожженнаго имъ же государственнаго кредитнаго билета. Вслѣдствіе упорнаго несознанія Николева Кроффъ, боясь, что его самого могутъ арестовать, рѣшилъ и съ Николевымъ покончить, такъ какъ убійство могло въ данномъ случаѣ сойти за самоубійство.

Такимъ образомъ честь Николева была восстановлена, а Владимиру Янову были возвращены принадлежавшія ему деньги, которыя почти полностью были пайдены въ указанномъ Кроффомъ мѣстѣ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ ходъ дѣйствія „драмы въ Ливоніи“. Даже изъ этого бѣглаго, сжатого пересказа можно заключить о положительныхъ качествахъ оригинала. И правда, всѣ 340 страницъ новаго произведенія Жюля Верна можно прочесть въ одинъ присѣсть: настолько отличаются онѣ обыч-

---

1) Стр. 55, 336, 337. Немного странное совпаденіе! Было бы естественнѣе, если деньги Янова были бы переданы Николеву въ видѣ процентныхъ бумагъ.

2) Непробужденіе Николева во время довольно долгаго пребыванія Кроффа въ его комнатѣ кажется мнѣ болѣе всего необыкновенно счастливою случайностью.

ной автору живостью, легкостью новѣствованія, настолько онѣ прочитаны ни на минуту не ослабѣвающимъ интересомъ и полны мѣстами просто захватывающаго драматизма. Характеристика отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ весьма интересна и тщательна. Жюль Вернъ любилъ передѣлывать свои эпическія произведенія въ драматическія; въ послѣдніе годы своей жизни, онъ, говорятъ ¹⁾, усиленно занимался этимъ. Если бы „драма въ Ливоніи“ перешла на сцену, то она имѣла бы большой сценической успѣхъ. Чуждое преобладанію любовной интриги, произведеніе Жюля Верна основано преимущественно на политической борьбѣ партій и касается новѣйшей эпохи Прибалтійскаго края, эпохи преобразованій, долженствовавшихъ сблизить и со временемъ окончательно соединить этотъ край съ основною Россіею. Если не ошибаюсь, Ж. В. первый беллетристъ, вложившій эту эпоху съ ея свѣтлыми и темными сторонами въ рамки изящной литературы. Интересно также, что ею занялся иностранецъ, совершенно въ сторонѣ стоящій отъ порожденной ею борьбы партій. Правда, Жюль Вернъ касается начала этой эпохи, и для лицъ, близко знакомыхъ съ обстоятельствами, покажется, быть можетъ, странною и не соответствующею истинѣ слишкомъ уже острая и явная враждебность представителей партій ²⁾; но съ одной стороны,

1) „Рижскія Вѣдомости“, № 360, 14 III 905.

2) Въ началѣ разсказа Жюль Вернъ замѣчаетъ, что борьба по поводу городскихъ выборовъ „serait chaude, surtout à Riga, où les races étaient plus directement en contact“ (стр. 60, 61). Это мнѣніе подтверждается современными газетными сообщеніями. Согласно извѣстіямъ рижскихъ газетъ къ началу октября 1877 года вполне выяснилось, что въ Ригѣ въ выборной борьбѣ паролемъ будетъ: „Борьба національностей и расъ“ — „Kampf der Nationalitäten und Rassen!“ (разрядка принадлежитъ газетѣ). „Das ist die trübe und leider doch so klare Signatur des in Riga bevorstehenden ersten Wahlganges oder, sagen wir lieber, Wahlstreites.“ Отмѣчается союзъ — „Coalition“ — русскихъ и латышей противъ нѣмцевъ. („Neue Dörpt. Ztg.“ № 236. 12 X 77). Въ другомъ мѣстѣ та же газета сомнѣвается въ ослабленіи національной розни, что „der Wahlboden Riga's schon zu tief von nationalen Gegensätzen durchfurcht und durchwühlt ist, um denselben zum Wahlgange selbst

беллетристъ беретъ необходимое и претворяетъ его по своему усмотрѣнію для созданія не историческаго трактата, а художественнаго произведенія ; съ другой стороны, первая рана вызываетъ часто болѣе острую боль ¹⁾, чѣмъ послѣдующія ; наконецъ,

mehr als nur scheinbar ebnen zu können“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 238, 14 X 77.) Образовались нѣмецкій, русскій и латышскій избирательные комитеты. Положеніе дѣлъ въ Ригѣ и съ наступленіемъ новаго года не улучшилось : „In Riga dauert der Wahlkampf in unverminderter Heftigkeit“, партіи агитируютъ въ свою пользу всевозможными средствами и возбужденіе достигло „eine unerfreuliche Höhe“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 25, 30 I 78). Одна латышская газета и послѣ первой побѣды нѣмцевъ среди 3-го класса избирателей продолжала стоять за продолженіе борьбы „wenn auch nur um „mit Ehren“ zu unterliegen“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 44, 21 II 78). Въ каждой борьбѣ сильнѣйшая партія одерживаетъ верхъ. Результатъ выборной борьбы въ Ригѣ извѣстенъ : изъ 72 гласныхъ оказались 64 нѣмцами („Neue Dörpt. Ztg.“ № 58, 10 III 78). По окончаніи выборовъ „Neue Dörpt. Ztg.“ за 1878 г. (№ 67) пишетъ относительно Риги : „Die Wahlen sind beendet, noch aber hat sich die Wahlaufregung und der aus ihr hervorgewucherte scharfe Gegensatz der Nationalitäten (разрядка введена газетою) nicht gelegt.“ — Въ № 81 той же газеты сообщено, что на должность рижскаго городского головы избранъ г. Бюнгнеръ большинствомъ 60 голосовъ. В. былъ однимъ изъ Bürgermeister'овъ при прежнемъ режимѣ.

1) Что введеніе новаго городского положенія, какъ первая крупная реформа, сильно обезпокоило и очень возбудило населеніе Прибалтійскаго края, это не подлежитъ сомнѣнію. Уже въ 1870 году, когда только намѣчалась эта реформа, порождаетъ она разныя опасенія. Такъ одинъ изъ юрьевскихъ театральныхъ рецензентовъ, упомянувъ о Ригѣ, пишетъ между прочимъ : „... nicht allein die sichtbaren Mauern sind gefallen, die unsichtbaren Schranken sind dahin, die Privilegien, die Gilden, die Zünfte, die Bruderschaft und Bürgerstolz, was gelten sie noch dem heutigen Geschlecht? Wir spielen und sehen im Parktheater Komödie und bleiben in Erwartung der neuen Städteordnung.“ („Dörptsche Ztg.“ за 1870 годъ, № 178). А въ 1877 году вотъ что пишетъ другая юрьевская газета : „Wohl nie zuvor ist eine Frage so tief in das innere Leben unserer Provinzen eingedrungen, wohl nie hat eine Frage so gewaltig unser öffentliches politisches und soziales Bewusstsein aufgerüttelt und erregt, als die nunmehr unmittelbar bevorstehende Einführung der neuen Stadtverfassung. Noch gähnt uns aus dieser neuen Institution ein Gewirr verschiedenartigster Anschauungen und Beurtheilungen, Hoffnungen und Befürchtungen entgegen und nur nach wenigen Richtungen hin beginnen sich feste Gebilde zu krystallisiren . . .“ („Neue Dörpt. Ztg.“ № 236, 12 X 77).

что касается Жюль Верна, то весьма правдоподобно, что, выпустивъ свой рассказъ въ 1904 году, онъ многое, вызванное уже позднѣйшими, болѣе энергичными мѣрами, отнесъ къ первоначальному проявленію „руссификаціи“. Во всякомъ случаѣ въ рассказѣ идетъ рѣчь только о предстоящемъ городскомъ преобразованіи¹⁾, о какихъ-либо другихъ реформахъ или ничего не говорится или же имѣются легкіе намеки²⁾.

О полной руссификаціи очень характерны замѣчанія автора; говоря о побѣдѣ, одержанной нѣмецкою партіею при городскихъ выборахъ, Жюль Вернъ прибавляетъ: „антагонизмъ рано ли, поздно ли, а все-таки долженъ возобновиться, и руссификація кончитъ тѣмъ, что будетъ осуществлена подъ вліяніемъ правительства“³⁾; въ другомъ мѣстѣ говоритъ французскій консулъ: „въ борьбѣ между русскими славянскаго происхожденія

1) Это имѣетъ свое основаніе также въ томъ, что, какъ уже выше было указано, только городская реформа была окончательно рѣшена въ 1876 году.

2) Такъ, напр., имѣются общія выраженія: „la russification de l'administration des provinces Baltiques“ (стр. 27), „à russifier graduellement l'administration des provinces“ (стр. 30), „les places... on pourra les leur (т. е. нѣмцамъ) enlever“ (стр. 47), „les vieilles coutumes s'en iront par l'aval, et les idées nouvelles viendront par l'amont“ (стр. 51), „le mouvement antigermanique“ (стр. 58), „tendances antigermaniques“ (стр. 268). — О судебной реформѣ вовсе не упоминается; даже нѣтъ намековъ на недостатки тогдашнихъ судебныхъ порядковъ. Только полицейскій Экъ выражаетъ свое неудовольствіе по поводу отмѣны смертной казни за обыкновенныя уголовныя преступленія. Впрочемъ, по мнѣнію Жюль Верна, перспектива ссылки въ Сибирь необнаруженнаго убійцы Поха не особенно удовлетворяла и возбужденное преступленіемъ населеніе Риги: многіе жалѣли не только объ отмѣнѣ смертной казни, но и объ уничтоженіи жестокихъ пытокъ, предшествовавшихъ ей въ былое время (стр. 177, 178). — О замѣнѣ нѣмецкаго языка русскимъ не говорится, хотя у Реклю имѣются соотвѣтствующія сообщенія. — Объ университетской реформѣ мы встрѣчаемъ только намекъ (стр. 165), и то съ оговоркою, что она возможна, если университетъ сдѣлается „le centre d'une agltation contre le mouvement panslaviste.“

3) Стр. 314: „... l'antagonisme devait reprendre tôt ou tard, et la russification finirait par s'opérer sous l'influence du gouvernement“.

и русскими нѣмецкаго происхожденія трудно сказать, кто одержитъ верхъ“¹⁾).

Симпатіи автора замѣтно на сторонѣ русскихъ²⁾ съ ихъ союзниками латышами и эстами. Почти все русскіе³⁾ —

1) Стр. 47: „Dans une lutte entre les Russes d'origine slave et les Russes d'origine allemande, ce ne sera pas trop, qui l'emportera“. — Согласно Реклю и Жюль Вернъ сообщаетъ, что „idée de russifier“ Прибалтійскій край возникла сто лѣтъ тому назадъ при Екатеринѣ II (стр. 51). Какъ причины этой „reformе toute nationale“ приводятся: 1) плачевное положеніе народа (стр. 112: „ces Lettons . . . n'étaient plus des serfs, mais le plus souvent traités comme tels“ и на слѣдующей страницѣ: „On s'explique donc que le souverain de la Russie ait la pensée de modifier ce déplorable état de choses, que son gouvernement cherche à introduire l'élément slave dans les assemblées et les administrations municipales“), 2) желаніе ослабить чрезмѣрное политическое вліяніе нѣмцевъ (на стр. 46-й д-ръ Хаминъ говоритъ: „N'est-ce pas une anomalie inacceptable que des Germains aient la direction politique de nos provinces“, и на стр. 47: „Laissons faire l'Empereur . . . c'est un Slave de pure race, lui, et il saura bien réduire l'élément étranger dans nos provinces.“ На стр. 48-й Илька высказываетъ пожеланіе, чтобы „slaves“ побѣдили и „qu'ils soient les maîtres dans leur pays“). Что реформы будутъ вводиться постепенно, говорится тоже въ разсказѣ: ср. стр. 27, 30, 46, 52.

2) Рядомъ съ этимъ необходимо отмѣтить и то русское, къ чему Жюль Вернъ относится отрицательно: не симпатизируетъ, очевидно, авторъ повѣду, послужившему къ аресту и къ ссылкѣ Владимира Янова, а также отчасти не пользуются расположеніемъ автора „ . . . administration moscovite“ (стр. 54) и „fonctionnaire moscovite“, „fonctionnaire en Russie“, который „est soumis à cet impérieux règlement du Tchîn“ (стр. 256, 111) Кромѣ этого интересны нѣкоторыя отмѣтки Жюля Верна: говоря о томъ, что уроки мало способствуютъ увеличенію богатства, Ж. В. прибавляетъ: „en Russie moins qu'ailleurs“ (стр. 45), а упоминая о тѣлесномъ наказаніи, практикуемомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, онъ замѣчаетъ: „et, sans doute, en mainte autre province de l'empire moscovite“ (стр. 111).

3) Изъ изложенія содержанія „драмы“ вполне выяснены свѣтлыя личности Николева, Янова, Ильки, Ивана, доктора. Судя по иллюстраціямъ, приложеннымъ къ разсказу, Николевъ и Яновъ носятъ бороды и высокіе сапоги; только одинъ разъ изображенъ Яновъ не въ высокихъ сапогахъ. Между фигурирующими въ разсказѣ чиновными лицами Ж. В. выставляетъ генерала Горко, „gouverneur des provinces Baltiques“, человѣкомъ умнымъ, работающимъ согласно высшимъ предписаніямъ на пользу славянскаго населенія, крайне осторожнымъ въ сношеніяхъ съ нѣмцами, избѣгающимъ всякихъ грубыхъ мѣръ и столкновеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ

хорошіе люди, за исключеніемъ православнаго Кроффа, но и о немъ въ двухъ мѣстахъ говорится, что онъ нѣмецкаго происхожденія ¹⁾ и только въ одномъ почему-то отмѣчено, что онъ славянскаго происхожденія ²⁾. Между нѣмцами же, появляющимися въ рассказѣ, только судебный слѣдователь Керсторфъ — человекъ крайне симпатичный и безпристрастный ³⁾. Признавая за Гохаузенемъ съ одной сто-

твердымъ и справедливымъ (стр. 30, 115, 116, 225, 226). Въ лицѣ ген. Горко, быть можетъ, изображенъ послѣдній генераль-губернаторъ князь Багратионъ, скончавшійся 17 января 1876 года („Neue Dörpt. Ztg.“ № 15, 19 I 76). Князь Багратионъ отличался, по словамъ „Голоса“, „разумною и миротворною дѣятельностью“ и подготовилъ между прочимъ почву для введенія новаго городского положенія („Neue Dörpt. Ztg.“ № 19, 23 I 76). По мнѣнію нѣм. газ. „Rig. Tgbi.“, князь оставилъ по себѣ „ein freundliches Andenken“ („Nordlivländische Ztg.“ № 22, 27 I 901). — Что касается полковника Рагенова, то его съ трудомъ сдерживалъ ген. Горко; онъ былъ „slave de naissance“, „un Russe à tous crins“, важный чиновникъ, но менѣе ловкій, чѣмъ ген. Горко; онъ видѣлъ врага во всякомъ ливландцѣ, эстляндцѣ и курляндцѣ и отличался отвагою и рѣшимостью (стр. 30, 116). — Латышами или эстами являются мельникъ въ началѣ разсказа, банковскій служитель Похъ, кондукторъ Броксъ и лакей Транкель; кто изъ нихъ латышь, кто эстъ — въ рассказѣ не обозначено. Всѣ они тоже симпатичны, и только Транкель отличается нѣкоторымъ нерадѣніемъ при исполненіи своихъ обязанностей.

1) Стр. 272 и 294.

2) Стр. 88. Судя по всему ходу разсказа, это, очевидно, недосмотръ со стороны автора: возможно, что Ж. В. желалъ въ началѣ представить К. человекомъ славянскаго происхожденія, но потомъ, въ интересахъ фабулы, измѣнилъ свое намѣреніе и забылъ ввести это измѣненіе на стр. 88-й.

3) Стр. 126. Какъ слѣдователь онъ былъ по достоинству оцѣненъ и товарищами и обществомъ, удивлялись его прозорливости и остроумію, нельзя было произвести на него давленія, и на его рѣшенія политика не имѣла никакого вліянія. К. былъ олицетворенный законъ. Мало общительный, крайне сдержанный, „il ne parlait guère et réfléchissait beaucoup“. По замѣчанію Жюль Верна „seul le juge Kerstorf était dégagé de ces passions de races qui fermentaient alors dans les provinces Baltiques“. Генераль Горко вполне довѣряетъ ему: „on peut avoir confiance dans le juge Kerstorf chargé de l'instruction. C'est un magistrat indépendant, intègre, qui n'écoute que sa conscience et ne subira point d'influences politiques“ (стр. 228). Веденіе имъ слѣдствія, отношенія его къ Николеву, не-

роны крайнюю точность, аккуратность, прекрасное знаніе своего дѣла, нѣжную любовь къ семейству, авторъ рисуетъ его съ другой стороны безошаднымъ, злымъ, мстительнымъ человекомъ¹⁾, не жалѣющимъ средствъ для достиженія гибели своего врага²⁾. Весьма характерна вся сцена его съ Яновымъ при взносѣ этимъ послѣднимъ 18 тысячъ рублей³⁾. Здѣсь между прочимъ сообщается, что, получивъ деньги, Ф. Юхаузенъ поблѣднѣлъ и судорожно сталъ считать ихъ. „Вдругъ взглядъ его оживляется. Дикая радость озаряетъ его лицо и голосомъ, полнымъ ненависти онъ восклицаетъ: „Эти билеты, г. Яновъ, тѣ самые, которые были украдены⁴⁾!“ — Насколько полковникъ Рагеновъ въ дѣлѣ обвиненія Николева старается держаться безпристрастной точки зрѣнія и доискивается болѣе ясныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ, настолько предубѣжденъ маіоръ Вердеръ противъ Николева, какъ чловѣка русскаго, и вполне довольствуется для полнаго осужденія его уже добытыми слѣдствіемъ свѣдѣніями⁵⁾. Характерно его присутствіе при нервомъ допросѣ, когда Керсторфъ официально запрещаетъ

обращеніе имъ вниманія на искусственное возбужденіе умовъ, на политическія соображенія своихъ единоплеменниковъ вполне подтверждаютъ эту характеристику.

1) Стр. 58, 118, 192, 235, 241, 259, 271.

2) Стр. 237, 294. — Какъ политическій дѣятель, Фр. Юхаузенъ съ замѣчательною, неукротимою настойчивостью отстаивалъ привилегіи своего сословія (les privilèges de sa caste), влѣдствіе чего его сограждане удивлялись ему и прославляли его какъ истиннаго представителя тѣхъ идей, которыхъ придерживались высшіе классы населенія со времени покоренія края.

3) Стр. 302—307.

4) Стр. 303: „Frank Johausen était devenu pâle . . . Sa main tremblait en froissant les billets de banque. Soudain ses yeux s'animent. Une joie féroce brille sur son visage, et c'est d'une voix impregnée de haine qu'il s'écrie: „Ce sont là, monsieur Yanof, des billets qui ont été volés . . .“

5) Стр. 260—262. Ихъ разговоръ кончается довольно комично, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно характерно: не будучи въ состояніи разубѣдить Вердера, полковникъ отвѣчаетъ на заключеніе Вердера о виновности Николева: „Et moi je conclus . . . que les Allemands sont toujours des Allemands . . .“, на что маіоръ въ свою очередь возражаетъ: „Comme les Slaves sont toujours des Slaves“.

ему, наконецъ, вмѣшиваться въ допросъ и дѣлать свои неумѣстныя замѣчанія ¹⁾). Интересенъ возгласъ, вырвавшійся изъ устъ маіора по поводу наказанія Транкеля: онъ иоручаетъ высѣчь Транкеля какъ друга и восклицаетъ при этомъ: „Ah! si c'était un Slave!“ — „Ахъ, если бы это былъ славянинъ!“ ²⁾ — Правую рукою Вердера былъ полицейскій Экъ: „этого“, по мнѣнію Жюль Верна, „не нужно было понуждать къ исполненію своего долга . . . и даже большаго, когда дѣло касалось преслѣдованія славянина ³⁾).

Такой же контрастъ встрѣчаемъ мы и въ молодомъ поколѣніи: смѣлому, но метительному и сварливому студенту Карлу Гохаузену ^{по}противо^{во}ставляется серьезный, разсудительный, обладающій развитымъ въ высшей степени чувствомъ долга молодой Иванъ Николевъ ⁴⁾).

По случаю внезапнаго появленія Вл. Янова Жюль Вернъ замѣчаетъ: „Было бы заблужденіемъ предполагать, что внезапное и неожиданное вмѣшательство В. Янова объявило всѣмъ невинность Д. Николева. Въ городѣ Ригѣ, столь обуреваемомъ германизмомъ, не могло этого случиться. Въ особенности высшіе классы не переносили, чтобы этотъ учитель, этотъ представитель славянскихъ интересовъ былъ освобожденъ отъ

1) Стр. 204, 205, 206, 208, 218, 220, 221.

2) Стр. 122.

3) Стр. 117. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) говорятъ авторъ: „Еск, très enclin dans ses fonctions à moins de sévérité envers ses concitoyens de même race qu'envers les Russes de la Livonie“. Призывая въ Экъ большую способность къ сыску уголовныхъ преступниковъ, Жюль Вернъ замѣчаетъ: „il y déployait d'autant plus d'énergie et de dextérité qu'il s'agissait de reprendre un évadé de Sibérie, livonien moscovite d'origine.“

4) Стр. 155 и 159. Даже по внѣшности былъ Николевъ симпатичнѣе Гохаузена (стр. 155, 159; 44, 45). — На стр. 155 говоритъ Жюль Вернъ: „Il (Карль Гохаузенъ) exerçait, par son nom et sa situation (т. е. своимъ внѣшнимъ положеніемъ, какъ сынъ вліятельнаго банкира) une sérieuse influence sur ses camarades“; напротивъ того, Иванъ Николевъ, не обладая богатствомъ, вліялъ на товарищей своими внутренними качествами. Карль стоялъ за преобладаніе нѣмцевъ (стр. 154), а Иванъ съ воодушевленіемъ защищалъ славянскія идеи (стр. 159).

возбужденнаго противъ него обвиненія. Журналы этой партіи съ своею отмѣнною недобросовѣстностью не упускали случая дѣлать оговорки“ 1).

Въ разныхъ мѣстахъ 2) своего разсказа Жюль Вернь главнымъ козыремъ въ рукахъ нѣмцевъ считаетъ ихъ матеріальное благосостояніе. Да уже одно то обстоятельство, что авторъ противопоставляетъ честному, но сравнительно бѣдному учителю богатаго банкира говоритъ за то, что важнѣе политической является экономическая борьба. Потому весьма знаменательны слова французскаго консула: „Мѣсть-то можно ихъ (т. е. нѣмцевъ) будетъ лишить . . . но что касается земель, то это трудно, чтобы не сказать невозможно 3).“

Какъ уже было раньше сказано, Жюль Вернь почерпаетъ свои свѣдѣнія о Прибалтійскомъ краѣ главнымъ образомъ изъ географіи Реклю, но все же встрѣчаются у него нѣкоторыя отступленія, нѣкоторыя поэтическія вольности. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются своеобразныя названія: „Watzjero“ 4) вмѣсто „Virz-jägg“; „Fallen“ 5) вмѣсто „Fellin“; „Balliski“ 6) вмѣсто „Baltiyskiy-Port“; — Жюль Вернь говоритъ о существованіи таможи на границѣ Лифляндской губерніи вдоль Чудскаго озера 7), объ отсутствіи желѣзной дороги между Ригою и Петербургомъ 8), а также

1) Стр. 258 и 259: „ . . . ce serait une erreur de croire que cette subite et inattendue intervention de Wladimir Yanof eût proclamé pour tous les esprits l'innocence de Dimitri Nicoief. Dans cette ville de Riga, si infestée de germanisme, il ne pouvait en être ainsi. Les hautes classes, principalement, ne supportaient pas que ce professeur, ce représentant des intérêts slaves, fût quitte de l'accusation portée contre lui. Les journaux du parti ne laissèrent pas de faire des réserves avec leur insigne mauvaise foi.“

2) Стр. 46, 47, 294.

3) Стр. 47.

4) Стр. 13, 15.

5) Стр. 30, 38.

6) Стр. 29.

7) Стр. 9, 10.

8) Стр. 64. Соединеніе съ Петербургомъ черезъ Двинскъ существовало съ 60-хъ годовъ.

между Ригою и Митавою ¹⁾, о телѣгѣ „la télègue, — un chariot bas sans clous, sans ferrures, dont les différentes pièces sont jointes par des cordes“ ²⁾, употребляемой на почтовыхъ станціяхъ, напр., между Ригою и Перновомъ для передвиженія пассажировъ ³⁾ и т. п.

Изъ бытовыхъ особенностей интересно отмѣтить здѣсь разсужденія автора о необычайной вѣрности жениха и невѣсты, доходящей до того, что они ждутъ другъ друга не годами, но даже десятками лѣтъ, и какъ одну изъ главныхъ причинъ этого Жюль Вернъ приводитъ желаніе жениха и невѣсты возможно лучше обставить будущую семью въ матеріальномъ отношеніи ⁴⁾. Такъ банковскій служитель Похъ собирается

1) Стр. 64. По крайней мѣрѣ не упоминаетъ Ж. В. о ней. Начали ходить поѣзда во второй половинѣ 60-хъ годовъ.

2) Стр. 64. 65: „... низкая, безъ гвоздей, безъ оковки, различныя части которой были соединены между собою веревками“.

3) Стр. 64: „télègue... à la disposition des touristes.“ На стр. 203 сообщаетъ Николевъ, что онъ возвратился въ Ригу въ телѣгѣ: „J'étais en télègue“.

4) Стр. 55: „On le sait, si la fidélité devait jamais être bannie de ce bas monde, c'est en Livonie qu'elle aurait trouvé son dernier refuge. Là se rencontrent encore ces étonnants fiancés qui ne s'épousent qu'après vingt ou vingt-cinq ans d'une cour assidue. Et, le plus souvent, s'ils attendent pour s'unir, c'est que leur position n'est pas suffisamment faite, et il convient qu'elle le soit.“ Довольно часто случается, что помолвка отстоитъ отъ свадьбы на годъ и даже на нѣсколько лѣтъ, но чтобы промежутки эти доходили до „20—25“ лѣтъ — это чрезчуръ фантастично или, по крайней мѣрѣ, большая, очень большая рѣдкость. Что касается желанія еще до свадьбы возможно лучше устроиться въ матеріальномъ отношеніи, то нѣкоторое подтвержденіе этого мнѣнія относительно нѣмцевъ имѣется, какъ мнѣ кажется, въ научномъ трудѣ проф. Körher'a: „Die Stadt Dorpat (Jurjew) in statistischer und hygienischer Beziehung. Jurjew (Dorpat) 1902.“ Здѣсь, на стр. 88-й напечатано: „Der Deutsche entschliesst sich zur Eingehung einer Ehe erst spät und seltener als der Este, nachdem es ihm gelungen ein sicheres und reichliches Auskommen für sich und seine Familie zu sichern.“ — Но и при отсутствіи матеріальнаго вопроса, при наличности другого вишняго затрудненія остаются, по мнѣнію Жюля Верна, особенно въ Лифляндіи, женихъ и невѣста другъ другу вѣрны (подтверждаетъ онъ это отношеніями между Владимиромъ Яновымъ и Илькой Николевой, оставшимися другъ другу вѣрными и послѣ ссылки перваго). Вотъ

бракосочетаться съ своею невѣстою по прошествіи 25 лѣтъ, дождавшись при нѣкоторой состоятельности невѣсты и для себя 500-рублеваго годового оклада: „Nous voilà donc riches, riches à notre façon“ — „ну вотъ мы богаты, богаты по-своему“ 1). — Далѣе во многихъ мѣстахъ разсказа авторъ отмѣчаетъ большое распространеніе преступленій въ Лифляндской губерніи 2),

почему Жюль Вернъ на стр. 56-й называетъ Лифляндію „pays des «âmes soeurs»“ — „краемъ «родственныхъ душъ»“, которыя, не соединившись по волѣ Божіей на этомъ свѣтѣ, сливаются въ вѣчности: „Ce pays n'était-il pas celui des «âmes soeurs»? . . . Ces âmes, trop souvent, ne parviennent pas à se joindre sur la terre, si Dieu n'est pitoyable à leur amour, et, sans jamais se détacher l'une de l'autre, elles se confondent dans l'éternité quand elles n'ont pu s'unir en ce monde.“

1) Стр. 76. — Разсказывая о себѣ Похъ обобщаетъ дѣло и восклицаетъ: „Est-ce que dans notre Livonie, ça ne se passe pas le plus souvent ainsi (т. е., женихъ и невѣста приобрѣтаютъ себѣ сперва въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ средства, а потомъ уже сочетаются бракомъ) pour les pauvres gens?“ (стр. 75). Это обобщеніе не сходится съ мнѣніемъ проф. Körber'a (I. с. стр. 88) относительно эстовъ: „Die Deutschen sind wohhabend, die meisten Esten unbemittelt. Aus diesem Grunde sucht sich der erwachsene Este möglichst bald eine unentgeltliche Arbeitskraft und findet dieselbe in seiner Frau, er heirathet verhältnissmässig früh und ausgiebig im Vergleich mit dem Deutschen. Aus demselben Grunde muss er sich nach dem Tode seiner Frau zur Eingehung einer 2. Ehe entschliessen, denn sonst würden seine Kinder verkommen, sein Hausstand verfallen. Eine Wirthschafterin zu halten reichen aber die Mittel nicht aus.“ — Интересно еще привести одно мѣсто изъ разсказа, гдѣ Жюль Вернъ сообщаетъ, что иногда латышей насильно женятъ, если дѣло касается увеличенія числа семействъ, господа которыхъ имѣютъ право требовать поземельный налогъ — „ces Lettons . . . parfois mariés malgré eux, lorsqu'il s'agit d'accroître le nombre des familles dont les seigneurs ont le droit d'exiger une redevance“ (стр. 112, 113).

2) Стр. 90, 93, 127, 185, 260. Это подтверждается отчасти и мѣстными газетными извѣстіями. Такъ напр. „Neue Dörpt. Ztg.“ за 1878 годъ на основаніи официальныхъ данныхъ пишетъ: „Hat im allgemeinen die Zahl der Verbrechen auch bei uns im Lande zugenommen“. Приводятся только цифры, касающіяся юрьевского уѣзда: въ 1876 году было отмѣчено преступленій и проступковъ — 409, а въ 1877 году — 368; однихъ случаевъ конокрадства было въ 1876 году — 109, а въ 1877 г. — 73 (№ 36). Въ 1877 году въ Ригѣ въ виду частыхъ грабежей и убійствъ были усилены ночные патрули солдатами мѣстнаго гарнизона. („Neue Dörpt. Ztg.“ № 282, 5 XII 77, со словъ рижскаго корреспондента газеты „Голосъ“). Въ

вслѣдствіе чего путешествія довольно-таки опасны, и, правда, устами полицейскаго Эка, высказываетъ мысль, что въ странѣ стало бы спокойнѣе, если корчмарями были бы полицейскіе ¹⁾. — Жюль Вернъ также сообщаетъ, что чай, „московскій напитокъ“ — „*boisson moscovite*“ — употребляется даже бѣдными людьми ²⁾; въ другомъ мѣстѣ говорится: „неизмѣнный чай течетъ въ такомъ изобиліи, что его достаточно было бы, чтобы образовать цѣлую рѣку Балтійскихъ провинцій ³⁾“. Рядомъ съ этимъ интересно, что Жюль Вернъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о пивѣ ⁴⁾, объ этой „стихіи нѣмцевъ“ — „*Element der Deutschen*“, какъ выразился, если не ошибаюсь, одинъ путешественникъ, посѣтившій городъ Юрьевъ въ началѣ XIX вѣка. — Почему-то различаетъ Жюль Вернъ „*schnaps*“ и „*vodka*“ ⁵⁾. — Бѣдственное положеніе крестьянъ, „*malheureux moujiks*“, не забыто авторомъ ⁶⁾. — Религіозный вопросъ вовсе не затрогивается въ разсказѣ ⁷⁾.

№ 61 той же газеты за 1878 годъ по поводу сообщенія объ одномъ грабежѣ, совершенномъ въ 13 верстахъ отъ Риги говорится: „*In Riga lassen leider noch immer Raubüberfälle und andere schwere Verbrechen die öffentliche Sicherheit arg bedroht erscheinen.*“

1) Стр. 94. — На стр. 93-й онъ считаетъ отмѣну смертной казни причиною увеличенія уголовныхъ преступленій.

2) Стр. 60. — По словамъ Ж. В. богатые пьютъ даже чай, стоящій „*cent soixante francs la livre*“.

3) Стр. 80: „*l'invariable thé, lequel coule si abondamment qu'il suffirait à alimenter tout un fleuve des provinces Baltiques.*“ Болѣе всего замѣчательно, что этотъ „*invariable thé*“ является, не считая водки, исключительнымъ наниткомъ въ корчмахъ и на постоялыхъ дворахъ при почтовыхъ станціяхъ Прибалтійскаго края!

4) Такой промахъ со стороны Жюля Верна трудно объяснить. Въ Ригѣ въ 1900 году имѣлось 11 пивоваренныхъ заводовъ, 13 пивныхъ складовъ и около 260 пивныхъ лавокъ (*Richter's Baltische Verkehrs- u. Adressbücher. I Band. Livland. Riga. 1900. 3. Abth. S. 8 und 9*). И въ 1876 году всего этого было, должно быть не мало! Если въ Юрьевѣ въ 1867 году было 5 пивоваренныхъ заводовъ (*Neuer Dorpater Kalender f. d. J. 1867. S. 46*), то въ Ригѣ въ 1876 году во всякомъ случаѣ было ихъ не меньше.

5) Стр. 90, 107.

6) Стр. 79, 112, 113. — Основываясь на общемъ описаніи крестьянства у Реклю (ср. Реклю т. V, стр. 376 и 377), кончающемся восклицаніемъ: „*Dans aucune partie de l'empire le paysan n'a une*

Перехожу теперь къ той главѣ разсказа, которая касается города Юрьева и бывшаго дерптскаго университета. Этотъ отдѣлъ разсказа озаглавленъ „A l'université de Dorpat“ 1) и

moindre part à la propriété!“ Жюль Вернь уже по-своему разрисовываетъ нѣкоторыя подробности: онъ разсказываетъ о попадавшихся путешественникамъ по дорогѣ въ Ревель ничтожныхъ деревушкахъ (misérables hameaux) съ скверными избенками (cahutes de raucres), въ которыхъ едва можно жить. Крестьяне, народъ крѣпкій, имѣютъ видъ непривлекательный, страдаютъ и отъ жары, и отъ холода, и отъ дождя, и отъ снѣга, во всякое время; пища тоже скверная — „pain d'écorce, noir et pâteux, trempé d'un peu d'huile de chènevis, de la bouillie d'orge et d'avoine, et, si rarement, quelques bouchées de lard ou de boeuf salé!“ „Quelle existence!“ восклицаетъ Ж. В. „Mais ils y sont faits, ils ne savent pas ce que c'est de se plaindre. A quoi bon, d'ailleurs?“ (Стр. 79). Въ другомъ мѣстѣ Ж. В. говоритъ, что крестьяне „прозябаютъ“ („végètent“ — стр. 112), и обращаются нѣмцы съ ними какъ съ рабами (тамъ же). Все же „le peuple n'a jamais pu être germanisé“, и какъ эсты, такъ и латыши „ne cachent point leur antipathie de race pour ceux qui sont leurs maîtres.“ Движеніе въ пользу народа началось, цѣлый рядъ журналовъ въ разныхъ городахъ (городъ Рига почему-то не названъ) защищаютъ его права (стр. 47). Ж. В. говоритъ слегка о „journaux esthes“ (стр. 46), но о латышскихъ газетахъ какъ-то не упоминаетъ.

7) Сообщаются только факты: что нѣмцы обратили мѣстное населеніе сперва въ католичество, а потомъ въ протестанство (стр. 47), и что не особенно рѣдко встрѣчаются люди нѣмецкаго происхожденія, исповѣдующіе православіе (стр. 272). Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ мы находимъ только въ предпоследней главѣ священника Аксіева. Маленькимъ намекомъ на отношенія населенія къ православію во времена введенія реформации можетъ служить вывѣска надъ кабакомъ. Согласно названію „Croix-Rompue“ — „Сломанный Крестъ“ — на вывѣскѣ краснаго цвѣта изображенъ былъ лежащій на землѣ „русскій двойной крестъ“, — „une double croix russe“ —; „sans doute“, прибавляетъ Ж. В., „quelque légende relative à une profanation iconoclaste perdue dans la nuit des temps“ (стр. 88). Чѣмъ руководствовался Ж. В. при выборѣ такого названія для кабака трудно рѣшить; во всякомъ случаѣ оно мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

1) Стр. 152—174. То обстоятельство, что университету уделяется въ разсказѣ довольно много мѣста, доказываетъ, что Жюлю Верню была извѣстна та важная роль, которую игралъ бывшій дерптскій университетъ въ исторіи Прибалтійскаго края, и то значеніе, которое имѣла „unsere Hochschule“ съ своимъ нѣмецкимъ характеромъ въ глазахъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Очень рельефно представлено это значеніе въ рѣчи ревельскаго адвоката Riesemann'a (впоследствии перваго ревельскаго городского головы), произнесенной

содержитъ данныя о городѣ, объ университетѣ, а также описаніе сцены, происшедшей во время университетскаго апрѣльскаго празднества въ 1876 г. и имѣющей непосредственную связь съ общимъ ходомъ дѣйствія „драмы въ Ливоніи“.

Жюль Вернь называетъ нашъ городъ исключительно „Dorpat“, не приводитъ главнаго его имени „Дерпт“ и не

имѣ 12-го декабря 1877 года по поводу 75-лѣтней годовщины „unserer Universität“ (см. „Neue Dörptsche Zeitung“, № 291, 15XII77). Упомянувъ о цѣломъ рядѣ выдающихся изслѣдователей, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей и воиновъ „im weiten Reich“, которые получили образованіе „in Dorpat“, ораторъ обращаетъ особенное вниманіе на всеобъемлющее значеніе университета „in der engeren Heimath“, т. е. въ Прибалтійскомъ краѣ: . . . . „was wären die baltischen Lande ohne ihre Hochschule? . . . . da bestätigt sich die Kraft der in Dorpat gepflegten Wissenschaft recht eigentlich als Lebensnerv auf jeglichem Gebiete . . . denken wir uns, dass es die letzten 75 Jahre hindurch an dem lebendigen Quell deutscher (здѣсь разрядка моя) Wissenschaft im eigenen Lande gefehlt habe — so werden wir das unschätzbare Gut, das wir in der Landesuniversität unser eigen nennen, nach Gebühr würdigen. Wir stehen in einer bewegten Zeit, wo die äusseren Grundpfeiler unseres eigenartigen Lebens, einer nach dem anderen, dahinsinken, wo der nivellirende Strom moderner Staatsanschauung manche mit Recht werth gehaltene Besonderheit hinwegspült. Da schaut so mancher, der inmitten jener mächtigen Strömung noch aufrecht steht, aus nach einem Zeichen, das ihm den Weg wiese in den schwellenden Wassern. Hoffend und vertrauend richtet er seinen Blick auf unsere Hochschule! So lange uns von dort her der Stern deutscher (здѣсь разрядка моя) Wissenschaft entgegenstrahlt, dürfen wir getrosten Muthes sein. Fest und unwandelbar steht er über jedem Erdenwechsel und zeigt uns die Bahn zur Erkenntniss dessen was wahr, was recht ist. Geschlossen, unbeirrt durch die wechselnden Ereignisse des Tages, lasst uns diese Bahn wandeln, Commilitonen, ob des Alters Silber unser Haupt decke oder der Jugend üppige Locken es schmücken. Der Stern unserer Hochschule aber, er strahle immerdar in unvergänglichem Glanze und sei unser Leitstern in guten, wie in bösen Tagen! „Vivat, crescat, flereat Academia Dorpatensis!“

Конецъ этой рѣчи со словъ „Wir stehen . . .“ находили мы также въ книгѣ „Dorpater Gedenktage — 21. April, 12. December 1802—1902. St. Petersburg 1902“, на стр. 44-й, но, къ сожалѣнію, предложеніе „So lange . . .“ исключенное изъ ковычекъ, передано въ нѣсколько иной формѣ, а слова: „der Stern deutscher Wissenschaft“ почему-то замѣнены словами: „der alte Stern der Wissenschaft“, чѣмъ, разумѣется, составитель книги лишилъ цитату настоящаго его смысла.

упоминаетъ ни о древнемъ названіи „Юрьевъ“ [при описаніи же города Ревеля онъ приводитъ названіе „Колыванъ“] ¹⁾ ни объ этскомъ „Tartulin“ — словомъ, нѣтъ у Жюль Верна всего того, что имѣется въ его главномъ источникѣ, въ географіи Реклю ²⁾.

„Дорпатъ, одинъ изъ главныхъ городовъ Лифляндіи ³⁾, древній ганзейскій городъ, основанъ русскими въ 1750 ⁴⁾ году. Это такъ принято, хотя иные историки относятъ его основаніе къ знаменитому тысячному году, къ году предполагавшагося свѣтопреставленія ⁵⁾ . . . По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ можно принять Дорпатъ за городъ современной Греціи, и кажется, что его дома перенесены въ готовомъ видѣ изъ столицы короля Оттона. Дорпатъ не особенно коммерческій, но онъ учащійся (étudiante) городъ ⁶⁾ . . . Все же Дорпатъ не исполнѣ липенѣ торговли вслѣдствіе своего географическаго

1) Стр. 29: „l'ancien Kolyvan des Russes.“

2) Ср. Reclus, томъ V стр. 373 и 381.

3) Стр. 152: „ . . . Dorpat, l'une des principales villes de la Livonie.“

4) Стр. 155: „Dorpat, ancienne cité de la Hanse, a été fondée par les Russes en 1750.“ Цыфра „7“ очевидно опечатка; „50“ можно объяснить словами Реклю, относящимися ко времени вторженія въ край русскихъ: „ . . . dès la première moitié du onzième siècle et y avaient fondé Derpt (Dorpat) et d'autres villes“ (стр. 373).

5) Стр. 155, 156: „Cela est admis, bien que certains historiens venissent faire remonter sa fondation à ce fameux an mil, qui devait voir la fin du monde.“

6) Стр. 156: „Au dire de certains voyageurs, on prendrait Dorpat pour une ville de la Grèce moderne, et il semble que ses maisons aient été apportées toutes faites de la capitale du roi Gthou. Dorpat est peu commerçante, mais elle est étudiante . . .“ Здѣсь слово „étudiante“, противопоставленное слову „commerçante“ (занимающійся торговлею) переведено мною словомъ „учащійся“ въ смыслѣ нѣмецкаго слова „Schulstadt“, употребляемаго иногда по отношенію къ городу Юрьеву, какъ обладающему всевозможными учебными заведениями съ большимъ количествомъ учащихся. Но очень можетъ быть, что Жюль Вернъ подъ „ville étudiante“ подразумѣвалъ главнымъ образомъ „студенчeskій городъ“, „городъ студентовъ“, („ville d'étudiants“); если обратить вниманіе на слова, слѣдующія за „étudiante“ („ . . . mais elle est étudiante, avec son Université, qui se divise“ и т. д.), то такое предположеніе исполнѣ возможно.

положенія, на перекресткѣ главныхъ дорогъ Балтійскихъ провинцій, въ 200 километрахъ отъ Риги и только въ 130 отъ Петербурга 1). Впрочемъ, какъ могъ бы онъ забыть, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ ганзейскихъ городовъ? Какъ мало ни развита торговля, сосредоточена она въ нѣмецкихъ рукахъ. Въ общей сложности эсты, мѣстное населеніе, состоятъ только изъ ремесленниковъ, рабочихъ и прислуги 2). Дорпатъ живописно построенъ на холмѣ, который господствуетъ съ юга надъ теченіемъ Эмбаха 3). Длинныя улицы обслуживаютъ его три участка. Туристы посѣщаютъ его обсерваторію, соборъ, построенный въ византійскомъ стилѣ, и развалины готическаго храма. Они не безъ сожалѣнія покидаютъ аллеи его очень цѣнимаго любителями ботаническаго сада 4). Населеніе состояло въ то время преимущественно изъ нѣмцевъ 5)“.

1) Стр. 157: „Cependant Dorpat n'est pas absolument dépourvue de tout commerce, en conséquence de sa situation géographique, au croisement des principales routes des provinces Baltiques, à deux cents kilomètres de Riga, et cent trente seulement de Pétersbourg.“ Только что приведенное разстояніе между Юрьевомъ и Петербургомъ (вмѣсто 325,5 верстъ по почтовому тракту или 379 верстъ по желѣзной дорогѣ) взято, какъ оказывается, отъ Pierre Larousse, изъ VI тома его „Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Paris“ (Ср. стр. 1124: „environ 130 kilom. S.-O. de Saint-Petersbourg“).

2) Стр. 157: „D'ailleurs, comment pourrait-elle oublier qu'elle fut une des plus prospères cités de la Hanse? Aussi, ce commerce, si peu développé qu'il soit, est-il concentré entre les mains germaniques. En somme, les Esthes, qui forment la population indigène, ne comprennent que des ouvriers, des manoeuvres ou des domestiques“.

3) Стр. 157: „Dorpat est pittoresquement bâtie sur une colline qui domine au sud le cours de l'Embach.“ Въ этой фразѣ, взятой почти цѣликомъ изъ географіи Реклю (т. V стр. 381), Ж. В., къ сожалѣнію, пропустилъ слѣдующія за bâtie слова: en partie (отчасти), влѣдствіе чего получается невѣрное представленіе о расположеніи города.

4) Стр. 157, 158: „De longues rues desservent ses trois quartiers. Les touristes y visitent son observatoire, sa cathédrale de style grec, les ruines d'une église ogivale. Ils ne quittent pas sans regret les allées de son jardin botanique, très apprécié des amateurs.“

5) Стр. 158: „... l'élément germanique l'emportait alors parmi a population de Dorpat.“

Вотъ и все, что сообщаетъ Жюль Вернь о Юрьевѣ. Вамъ, мм. гг., не составитъ никакого труда пополнить и исправить пробѣлы и промахи, допущенные авторомъ въ этомъ сообщеніи, а потому обращаемся къ описанію университета.

Если, какъ говоритъ Жюль Вернь, сомнѣвались насчетъ времени возникновенія „одного изъ прелестнѣйшихъ городовъ Балтійскихъ провинцій“¹⁾, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи что касается „его знаменитаго университета, созданнаго Густавомъ-Адольфомъ въ 1632 году и вновь учрежденнаго въ 1812²⁾ году въ теперешнемъ его видѣ“³⁾. Далѣе говоритъ Жюль Вернь: „университетъ . . . раздѣленъ на корпораціи или скорѣе на „націи“, не связанная между собою крѣпкими узами братства . . . страсти тамъ столь же живучи между славянскимъ и германскимъ элементами, какъ и между населеніемъ другихъ городовъ Эстоніи, Ливоніи и Курляндіи, вслѣдствіе чего только во время университетскихъ ваканцій дѣйствительно царитъ тишина въ городѣ“⁴⁾. Въ немъ было тогда около 900 студентовъ съ 72 профессорами, читавшими свои курсы на нѣмецкомъ языкѣ; бюджетъ, „un budget assez lourd“, равнялся 234 тыс. руб.⁵⁾. Университетская библіотека, „одна изъ болѣе важныхъ и болѣе благоустроенныхъ европейскихъ

1) Стр. 156: „ . . . l'une des plus charmantes des provinces Baltiques.“

2) Стр. 156. Очевидно опечатка вмѣсто „1802“.

3) Тамъ же: „son Université célèbre que Gustave-Adolphe créa en 1632, et dont la réorganisation s'opéra en 1812, telle qu'elle fonctionne aujourd'hui.“

4) Тамъ же: „ . . . Université. qui se divise en corporations ou plutôt en «nations», lesquelles ne sont pas unies par le solide lien de la fraternité . . . les passions y sont aussi vivaces entre l'élément slave et l'élément germanique que parmi la population des autres villes, de l'Esthonie, de la Livonie et de la Courlande. Il s'ensuit donc que la tranquillité ne règne réellement à Dorpat que durant la période des vacances universitaires . . .“ — „Université“ въ началѣ этого цитата значить, по-моему: студенческій міръ университета.

5) Стр. 157.

библіотекъ“ 1), содержитъ, по мнѣнію Жюли Верна, около 4 тысячъ 2) томовъ.

Нѣмецкое студенчество было въ громадномъ большинствѣ; студентовъ же славянскаго происхожденія насчитывали не болѣе 50 человекъ 3). Съ нѣкотораго времени политика или, но крайней мѣрѣ, борьба славянъ съ нѣмцами начала пускать корни въ деритскомъ студенчествѣ. Подавляющее большинство желало сохранить университету традиціи, идеи, существовавшія съ его основанія. Правительство знало, что въ университетѣ пылалъ очагъ сопротивленія стремленіямъ руссификаціи, отъ которой грозила опасность Балтійскимъ провинціямъ 4). Въ виду всего этого ректоръ опасался безпорядковъ при празднованіи апрѣльской 5) университетской годовщины въ 1876 году 6).

1) Тамъ же: „l'une des plus importantes et des plus suivies de l'Europe.“

2) Тамъ же: „A quatre mille près, c'est le chiffre des volumes que renferme la riche bibliothèque . . .“ Очевидно опечатка: пропущено между „quatre“ и „mille“ слово „cent“. Хотя у Реклю обозначено: 230 тысячъ томовъ, но Жюль Вернъ вѣроятно пользовался новѣйшими данными, быть можетъ, данными отчета юбилейнаго 1902 года; по этому отчету значилось въ бібліотекѣ 365517 томовъ вмѣстѣ съ диссертациями; объ этомъ количествѣ, правда, съ нѣкоторою натяжкой, можно выразиться: „à quatre cent mille près.“

3) Стр. 158: „. . . l'élément germanique . . . à cette époque était prédominant . . . Sur les neuf cents étudiants, on en comptait une cinquantaine au plus qui fussent de race slave.“

4) Стр. 164, 165: „ . . . lutte du slavisme et du germanisme, tendait à s'accroître dans le monde des étudiants . . . maintenir à l'Université les traditions, les idées qui dataient de son origine . . . qu'il y avait là un ardent foyer de résistance aux tentatives de russification, dont les provinces Baltiques étaient menacées.“

5) Въ рассказѣ празднество не происходитъ 21-го апрѣля, а приурочено къ 16-му апрѣля. Оказывая предпочтеніе апрѣльскому празднеству передъ декабрьскимъ, Жюль Вернъ имѣлъ въ виду, быть можетъ, отчасти извѣстныя нѣмецко-балтійскія воззрѣнія на апрѣльскую университетскую годовщину. Нѣкоторые балты отрицаютъ даже историческое значеніе 12-го декабря (Ср., напр., слова г-на — ск — въ „Neue Dörptsche Ztg.“, № 286, 9 XII 77, въ I части его „Erinnerungen“: „ . . . während dagegen der 12. Dec., trotz seiner Legalität, keinerlei historische Bedeutung hinterlassen hatte“).

6) Стр. 164. — Профессора, „bien qu'ils fussent tous acquis aux idées aliemandes“ (стр. 165), опасались также безпорядковъ.

Среди студенчества готовились къ нему весьма усердно; въ началѣ главы перечисляются нѣмецкими студентами нѣкоторыя деликатессы и прелести предстоящаго банкета ¹⁾: шуки изъ рѣки Аа, „stroemlings“, пойманные эзельскими рыбаками, „auxquels on les a payés cher“, рябчики, тетерева, ветчина въ разномъ видѣ, „rourogens“ ²⁾ кюммель . . . ; и здѣсь не упоминается о пивѣ ³⁾; Иванъ Николевъ говоритъ о шампанскомъ, которое не позволитъ воспламениться пороху студенческихъ раздоровъ. Нѣмецкая партія открыто заявила, что она не хочетъ допустить къ общему банкету „ces Slavo-moscovito-russes“ ⁴⁾. Ректоръ отлично понимая, какъ пагубно можетъ

1) Стр. 153.

2) Должно быть, хотѣлъ сказать „pirogens“ — пирожки. Студентъ, назвавшій ихъ, немного дальше говоритъ, что еще не ѣли такихъ хорошихъ „gâteaux à la viande.“

3) Отмѣчая и здѣсь этотъ промахъ со стороны Жюля Верна, нельзя не сообщить слѣдующее: Какъ разъ въ 1876 году за мѣсяць до апрѣльскаго праздника появилось въ „Neue Dörptsche Zeitung“ (№ 70, 24Ш76) письмо „An den Dorpater Chargirten-Convent.“ Въ этомъ письмѣ „Ein Studirender“ сообщаетъ, что до 1850 и 1851 г. грогъ былъ обычнымъ напиткомъ здѣшнихъ студентовъ. Благодаря стараніямъ барона ф. д. Реке, указавшаго на страшный вредъ грога, корпорація Балтика въ 1850 г. впервые замѣнила грогъ пивомъ. Черезъ нѣкоторое время послѣдовали ея примѣру и другія корпораціи. Вотъ и предлагаетъ „Ein Studirender“ отпраздновать общимъ коммершемъ 21-го апрѣля 1876 года исполнившееся 25-лѣтіе со дня введенія пива, какъ главнаго напитка, на студенческихъ празднествахъ, а также помянуть добрымъ словомъ барона ф. д. Реке.

4) Стр. 153. Привожу здѣсь въ оригиналѣ небольшой разговоръ между двумя нѣмецкими студентами, рисующій намъ отношенія нѣмецкихъ студентовъ къ русскимъ: Выслушавъ перечисленіе нѣкоторыхъ заманчивыхъ блюдъ предстоящаго банкета, студентъ Карлъ Юхаузенъ прибавляетъ:

„. . . Grâce à toutes ces bonnes choses nous célébrerons dignement la fête de l'Université . . . Mais à une condition, c'est que cette fête ne soit pas troublée par la présence de ces Slavo-moscovito-russes . . .

— Non! . . . s'écria Siegfried, pas un de ceux qui commencent à porter trop haut la tête . . .

— Et auxquels nous saurons la rabaisser au niveau du ventre! répondit Karl. (Далѣе онъ грозитъ Ивану Николеву и предчув-

отразиться такая открытая борьба на всемъ университетѣ¹⁾, старался отговорить ихъ отъ такого намѣренія, но нѣмцы-студенты стояли на своемъ²⁾. За то сынъ Николева сумѣлъ уговорить своихъ товарищей отнестись хладнокровно къ неприглашенію со стороны нѣмцевъ, отдѣльно отпраздновать знаменательный для университета день, не подавать повода съ своей стороны къ какимъ бы то ни было беспорядкамъ (не входить въ залъ банкета, не отвѣчать русскими пѣснями на нѣмецкія пѣсни), но и дать необходимый отпоръ, если нѣмцы рѣшились бы ихъ задѣть³⁾.

Жюль Вернь рисуеъ намъ и внѣшность дерптскихъ студентовъ 70-хъ годовъ: по его мнѣнію, они носили высокіе сапоги, талья ихъ была туго стянута кожаныиъ кушакомъ, а на головахъ были яркія цвѣтныя шапочки, надѣтыя набе-

ствуетъ близость столкновенія съ нимъ) . . . je ne voudrais pas avoir quitté l'Université sans l'avoir réduit à s'humilier devant ces Germaîns qu'il dédaigne . . . .

— Lui et son grand ami Gospodin! ajouta Siegfried, en tendant son poing vers le fond de la cour.

— Gospodin comme tous ceux qui ont la pensée de devenir nos maîtres! . . . s'écria Karl. Ils verront si l'on a si facilement raison de la race germaine! . . Slave, cela signifie esclave, et nous mettrons ces deux rimes-là au bout des vers de notre *hymne livonien*, et nous le leur ferons chanter . . .

— Chanter en mesure, en *langue allemande!* répliqua Siegfried, tandis que ses compagnons poussaient un „hoch“ formidable.

1) Стр. 165. Здѣсь сказано, что: „l'Université . . . . n'était pas à l'abri d'un ukase impérial, en cas qu'elle devint le centre d'une agitation contre le mouvement panslaviste.“

2) Стр. 165: „. . . le recteur n'avait pu obtenir que Karl Johausen et ses amis rennonçassent à exelure du banquet Jean et ses camarades“ . . . Жюль Вернь задаетъ вопросъ: не лучше ли было бы въ виду возможныхъ столкновений запретить празднованіе годовщины? Но въ запрещеніи онъ видитъ только поводъ къ большому раздраженію, котораго именно университетское начальство хотѣло избѣжать. При этомъ замѣчаетъ авторъ, что въ университетѣ нельзя ограничиться простыми школьными наказаніями, а пришлось бы прибѣгнуть къ серьезной мѣрѣ, къ исключенію коноводовъ, „aux expulsions, chasser les meneurs, et c'eût été une mesure grave.“

3) Стр. 165, 166.

кренъ 1). Въ 4 часа вечера 16-го апрѣля „la cloche du banquet se fit entendre“, и нѣмцы „plusieurs centaines“ подъ предводительствомъ Карла Юхаузена направились черезъ обширный дворъ къ большому амфитеатральному университетскому залу, гдѣ были накрыты многочисленныя столы; вскорѣ дворъ опустѣлъ 2); въ сторонѣ стояли русскіе студенты. Николевъ предложилъ немедленно удалиться, но подъ вліяніемъ пылкаго студента Господина 3) товарищи не соглашались и прогуливались мимо оконъ зала 4). Оживленіе въ залѣ постепенно росло, и разгоряченные виномъ нѣмцы уже начали пускаться по адресу все еще не уходившихъ русскихъ разнаго рода нелестныя замѣчанія. Николевъ вновь попытался увести своихъ товарищей, но тщетно! „Мы хотимъ слышать,“ отвѣтилъ Господинъ, „что осмѣлятся сказать эти пьяные германцы, и если намъ это не понравится, то ты послѣдуешь за нами.“ „Идемъ, Господинъ,“ сказалъ Николевъ, „я хочу, чтобы вы услышали.“ — „Подожди“, отвѣтилъ Господинъ, „черезъ нѣсколько минутъ ты не захочешь уйти“ 5). — Въ это время шумъ въ залѣ еще болѣе усилился: чоканіе, крики „hoch“ раздавались изъ открытыхъ оконъ. Наконецъ зазвѣли хоромъ „Gaudeamus“, первая строфа котораго, по мнѣнію Жюля Верна, болѣе подходитъ къ похоронному мотиву. „Это пѣніе равносильно пѣнію „De profundis“ къ десерту,“ замѣчаетъ авторъ 6). Но

1) Стр. 152. Только противъ яркихъ цвѣтовъ шапочекъ нельзя ничего сказать. Но и такія шапочки носили далеко не все студенты: почти половина студенчества находилась внѣ корпорацій. Русскіе студенты не составляли корпорацій въ семидесятыхъ годахъ, а потому также не могли быть въ цвѣтныхъ шапочкахъ.

2) Стр. 167.

3) Кто былъ студентъ Господинъ: русскій или эстъ? На стр. 155: „Gospodin, de même origine que lui (т. е. Николевъ)“, а на стр. 159: „Gospodin appartenait à une riche famille esthonienne de Revel. Впрочемъ слово „esthonienne“ могло быть употреблено въ смыслѣ „изъ Эстляндіи“, т. е. русскій, уроженецъ Эстляндіи, какъ Николевъ былъ русскій, уроженецъ Лифляндіи.

4) Стр. 168.

5) Стр. 169.

6) Стр. 169: Puis un choeur fut entonné à pleine poitrine, —

вотъ чей-то голосъ запѣлъ: „О, Рига, что сдѣлало тебя столь прекрасною? Рабство ливонцевъ! . . . О, если бы мы могли однажды за деньги откупить у нѣмцевъ твой замокъ и заставить ихъ танцовать на раскаленныхъ камняхъ¹⁾!“ Эту пѣсню пѣлъ по-русски Господинъ; затѣмъ запѣлъ онъ съ товарищами „Боже царя храни“²⁾. Вдругъ двери зала распахнулись и около ста студентовъ выбѣжало во дворъ; они окружили ненавистную имъ группу славянъ съ Николевымъ по серединѣ и старались своимъ „Gaudeamus“ заглушить русскій гимнъ, могучая мелодія котораго все же пробивалась наружу³⁾. Боялись общей схватки; уже стояли отдѣльные студенты другъ

ce chant, qui se traîne sur un monotone trois-quatre, si en honneur dans les universités allemandes: (слѣдуетъ первая строфа „Gaudeamus“). On en conviendra, ces paroles ne sont rien moins que réjouissantes, et ne méritent qu'un air d'enterrement. Autant chanter un *De Profundis* au dessert! Après tout, ce chant est bien dans la note germanique.“ — Изъ этихъ замѣчаній видно, что Жюлю Верну не нравится „Gaudeamus“, и что онъ не зналъ о возможномъ его возникновеніи изъ духовной элегии 1267 года, которая напечатана Ду Мэрил'емъ въ его „Poésies populaires du moyen-âge. Paris. 1847“, и которую пѣли странствующие ученики монастырскихъ школъ. Авторъ небольшой статьи „Zur Geschichte des Gaudeamus“, помѣщенной въ „A. A. Z.“ и перепечатанной въ „Neue Dörptsche Ztg.“ за 1873 г. (№ 73) знакомитъ насъ съ этою средневѣковою элегіею и считаетъ возможнымъ, что эта въ высшей степени мрачная, печальная пѣсня уже своими первоначальными исполнителями была превращена въ нѣчто подобное нынѣшнему „Gaudeamus“: „Ein ähnliches Schicksal“, прибавляетъ авторъ „hat ja manch ehrwürdiger Hymnus gehabt, der als fröhliches Trinklied die weiteste Verbreitung bei verschiedenen Nationen gefunden hat . . . Doch, wie dem auch sei! Das Gaudeamus wird immer das Festlied der deutschen Studentenschaft in all ihren Parteiungen bleiben!“

1) Стр. 170: „O, Riga, qui t'a faite si belle? . . . L'esclavage des Livoniens! . . . Puissions-nous un jour, avec l'argent, acheter ton château aux Allemands et les faire danser sur des pierres chauffées!“ Эта латышская пѣсня, въ нѣсколько измѣненномъ и сокращенномъ видѣ, взята изъ географіи Реклю (т. V, стр. 372).

2) Стр. 170: „ . . . Puis, après lui et avec lui, ses camarades firent retentir les airs du refrain de Boje-Tsara-Krani, l'hymne moscovite d'un si grand et si religieux caractère.“

3) Тамъ же: „ . . . Ils entourèrent le groupe slave . . . leur *Gaudeamus* *igitur*, vociféré, hurlé même, essayait d'étouffer l'hymne russe dont la puissante mélodie perçait malgré leurs efforts.“

противъ друга и готовы были сдѣлаться (такъ, напр., Господинъ съ другомъ Юхаузена, съ Зигфридомъ). Просьбы ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ не имѣли никакого успѣха ¹⁾: нѣмцы, число которыхъ все увеличивалось, наступали, а русскіе, несмотря на свою малочисленность, не отступали ни передъ угрозами, ни передъ оскорбленіями. Но вотъ вышелъ изъ зала со стаканомъ въ рукѣ К. Юхаузенъ и протиснулся въ середину бушевавшихъ студентовъ, гдѣ угрожалъ Господинъ его другу Зигфриду; какъ только Господинъ замѣтилъ Юхаузена, онъ тотчасъ же обратился къ нему, но Николевъ отстранилъ его со словами: „Это меня касается“. — „Ты мнѣ не помѣшаешь“, вскричалъ разгнѣванный Господинъ. — „Я хочу помѣшать“, сказалъ Николевъ столь рѣшительно, что противорѣчіе было немислимо.

Тогда, обращаясь къ массѣ нѣмецкихъ студентовъ, во всеуслышаніе сказалъ онъ:

„Васъ сотни, а насъ и 50 нѣтъ! Нападите на насъ . . . Мы будемъ защищаться . . . Мы будемъ побѣждены . . . Но вы поступите въ такомъ случаѣ какъ трусы!

Неистовые крики были отвѣтомъ.

Карль Юхаузенъ подаль знакъ, что онъ хочетъ говорить.

„Да,“ сказалъ онъ, „мы были бы трусы! . . . Есть ли кто-нибудь между этими славянами, который принялъ бы на себя все дѣло?“

„Мы всѣ!“ закричали товарищи Ивана.

Но Иванъ Николевъ приблизился и сказалъ:

„Этимъ однимъ буду я, и если Карль желаетъ быть лично вызванъ, то я его вызываю . . .“

— Ты? . . . воскликнулъ Карль, дѣлая жестъ презрѣнія.

1) Стр. 171: „ . . . le recteur s'était hâté d'intervenir. Quelques-uns des professeurs s'étant joints à lui, parcouraient maintenant la cour à travers les groupes. Ils essayaient de calmer ces jeunes gens prêts à en venir aux mains. Ils n'y arrivaient pas. L'autorité du recteur était méconnue . . . Que pouvait-il d'ailleurs au milieu de ces „germaniques“ dont le nombre grossissait à mesure que se vidait la salle de l'amphithéâtre?“

— Я! отвѣтилъ Иванъ. Выбери двухъ твоихъ друзей. Я уже выбралъ своихъ . . .

— Ты . . . ты хочешь драться со мною? . . .

— Да . . . завтра, если ты сейчасъ не готовъ . . . Сю же минуту, если ты хочешь ¹⁾!

Здѣсь дѣлаетъ Жюль Вернъ маленькое отступленіе на счетъ того, что такого рода вызовы часто практиковались между студентами, и что лучше, если начальство молча ихъ допускаетъ, такъ какъ послѣдствія въ большинствѣ случаевъ ничтожны; но въ данный моментъ можно было опасаться рокового исхода, тѣмъ болѣе что противники сильно были возбуждены другъ противъ друга ²⁾.

Карлъ скрестилъ руки и, посмотрѣвъ на Ивана съ головы до ногъ, сказалъ:

„А! ты даже выбралъ уже своихъ секундантовъ?”

— Вотъ они, отвѣтилъ Иванъ, указавъ на Господина и на другого студента.

— И ты думаешь, что они согласятся?

— Согласимся ли мы! вскрикнулъ Господинъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Карлъ, по одной причинѣ я не соглашусь, Иванъ Николевъ, драться съ тобою! . . .

— Почему, Карлъ?

— А потому, что не дерутся съ сыномъ убійцы! . . . ³⁾“

1) Стр. 173.

2) Стр. 173 и 174: „Il n'est pas rare que les étudiants aient de ces affaires, et mieux vaut que les autorités ferment les yeux, car les conséquences n'en sont jamais très graves. Cette fois, il est vrai, il y avait lieu de craindre que l'issue ne fût fatale, tant les adversaires étaient sous le coup d'une animosité personnelle.“

3) Стр. 174. Какъ университетскій амфитеатральный залъ съ окнами на просторный дворъ, такъ и все происшедшее въ этомъ дворѣ во время апрѣльскаго праздника есть плодъ фантазіи Жюль Верна. Столкновения между отдѣльными студентами всевозможныхъ національностей бывали, бываютъ и, должно быть, никогда не переведутся, но такое массовое столкновение студентовъ, тѣмъ болѣе въ семидесятыхъ годахъ, никѣмъ не отмѣчено въ университетской жизни Прибалтійскаго края. Балтійское нѣмецкое студенчество слишкомъ осторожно и себѣ на умъ, вслѣдствіе чего

Этимъ заканчивается глава „A l'Université de Dorpat.“ Мы уже знаемъ, что Иванъ Николевъ немедленно отправился

оно никогда не рѣшилось бы такъ открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не политично выступить противъ русскихъ. Къ тому же, по мнѣнію одного балтійскаго писателя, ихъ обоюдныя отношенія, обострившіяся было со времени закрытія второй „Рутеніи“ (съ 1857 г.), улучшились со второй половины шестидесятыхъ годовъ (см. E. Kraus. Der Dorpater Chargirten-Convent von seiner Gründung bis 1880. Dorpat. 1883, стр. 34, 60). Неисполненіе совѣтовъ и даже просьбъ своего же ректора и своихъ профессоровъ тоже не въ духѣ балтійско-нѣмецкихъ буршей. — Отрицая такимъ образомъ правдоподобность происшествія относительно степени и способа его внѣшняго проявленія, все же нельзя не признать вѣрнымъ изображеніе самой сути, внутренняго мотива всего столкновенія, этого крайняго нерасположенія, чтобы не сказать этой глубокой вражды, нѣмцевъ ко всему русскому, что грозило бы ихъ преобладанію въ университетѣ и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ, что могло бы свести на нѣтъ балтійско-нѣмецкое обособленіе. Характерно, напр., желаніе молодого Юхаузена заставить покориться нѣмцамъ не только Ивана Николаева и его друга Господина, но и всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы властвовать надъ нѣмцами (см. стр. 154: „tous ceux qui ont la pensée de devenir nos maitres“). — [Едва ли кто сможетъ, положа руку на сердце, усомниться въ существованіи этого нерасположенія. Въ наше время проявляется оно относительно Юрьевскаго университета главнымъ образомъ въ довольно-таки ожесточенномъ походѣ гг. балтовъ противъ „семинаристовъ.“ Такъ, напр., кандидатъ исторіи Карль ф. Фрейманъ (Karl v. Freymann) видитъ между прочимъ въ семинаристахъ исключительныхъ виновниковъ научной забастовки и открыто взываетъ къ нѣмецкимъ, латышскимъ и эстскимъ студентамъ, чтобы они свергли „иго семинаристовъ.“ (Ср. „Düna-Zeitung,“ № 157, 21VII905, въ передовой статьѣ „Unter dem Joch der Seminaristen“: „. . . diesen Leuten musste es vorbehalten sein, bis zur unerhörten Lächerlichkeit des wissenschaftlichen Streikes zu gelangen: die Universität Jurjew streikt und die Wissenschaft wartet! . . . Die Studenten der Universität, alle diejenigen, in denen auch nur ein Hauch humanistischen Geistes lebt, diese Studenten, Deutsche, Letten und Esten, fordere ich auf, dem Joch der Seminaristen ein Ende zu machen. Der Wahnsinn des wissenschaftlichen Streikes schreit zum Himmel! Möge nichts nachbleiben von der Herrschaft dieser Leute, als der Widerhall des homerischen Gelächters Apolls.“ — Эта статья перепечатана въ юрьевской „Nordlivländische Ztg.“ № 161, 23 VII 905 подъ заглавіемъ „Akademisches“ „въ виду ея какъ разъ для нашего университета знаменательнаго содержанія“ — „angesichts ihres gerade für unsere Universität bedeutsamen Inhalts.“]

въ Ригу. Послѣ признанія Янова онъ вернулся въ Юрьевъ, вызвалъ вторично Карла на дуэль, но тотъ опять отказался; тогда Иванъ далъ ему пощечину, поединокъ состоялся, и Карлъ Гохаузенъ былъ тяжело раненъ.

Такъ вотъ какими рисуетъ Жюль Вернъ „дерптскихъ студентовъ.“ Насколько его описаніе соотвѣтствуетъ истинѣ — это другое дѣло! . . . Впрочемъ, кто будетъ измѣрять историческимъ аршиномъ фигуры Дона Карлоса или Маріи Стюартъ въ драмахъ Шиллера?! Предоставимъ же и Жюльвернской фантази рисовать по-своему своихъ героевъ, тѣмъ болѣе что и современные журналисты, призванные писать далеко не фантастическія произведенія, часто, по своему усмотрѣнію, изощряются въ составленіи своего рода „необыкновенныхъ путешествій“ въ область тѣхъ же „дерптскихъ студентовъ.“